

МУЗЫКА- КУДЕСНИЦА

Москва «Музыка»

1987

МУЗЫКА-КУДЕСНИЦА

Сказки о музыке

Издание второе

Москва «Музыка» 1987

Составила И. Толлок

ПАСТУШЬЯ ДУДОЧКА

Русская сказка

Жили в одном селе старик да старуха, бедные-пребедные, и был у них сын Иванушка. С малых лет любил он на дудочке играть. И так-то он хорошо играл, что все слушали - наслушаться не могли. Заиграет Иванушка грустную песню - все пригорюнятся, у всех слезы катятся. Заиграет плясовую - все в пляс идут, удержаться не могут.

Подрос Иванушка и говорит отцу да матери:

- Пойду я, батюшка и матушка, в работники наниматься. Сколько заработка - все вам принесу.

Попрошался и пошел.

Пришел в одну деревню - никто не нанимает. В другую пришел - и там работники не нужны. Пошел Иванушка дальше.

Шел- шел и пришел в дальнее село. Ходит от избы к избе, спрашивает:

- Не нужен ли кому работник? Вышел из одной избы мужик и говорит:

- Не наймешься ли ты овец пасти?

- Наймусь, дело нехитрое!

- Нехитрое оно, это так. Только у меня такое условие: если хорошо пасти будешь - двойное жалованье заплачу. А если хоть одну овечку из моего стада потеряешь - ничего не получишь, прогоню без денег!

- Авось не потеряю! - отвечает Иванушка.

- То-то, смотри! Уговорились они.

И стал Иванушка стадо пасти.

Утром чуть свет уйдет со двора, а возвращается, когда солнце сядет.

Как идет он с пастбища, хозяин с хозяйкой уже у ворот стоят, овец считают:

- Одна, две, три... десять... двадцать... сорок... пятьдесят... Все овцы целы!

Так и месяц прошел, и другой, и третий. Скоро надо с пастухом рассчитываться, жалованье ему платить.

"Что это? - думает хозяин. - Как это пастух всех овец бережет? В прошлые годы всегда овцы пропадали: то волк задерет, то сами куда забре-

дут, потеряются... Неспроста это. Надо подсмотреть, что пастух на пастбище делает".

Под утро, когда все еще спали, взял хозяин овчинный тулуп, вывернул его шерстью наружу, напялил на себя и пробрался в хлев.

Стал среди овец на четвереньки. Стоит, дожидается, когда пастух погонит стадо на пастбище.

Как солнышко взошло, Иванушка поднялся и погнал овец.

Заблеяли овцы и побежали.

А хозяину хоть и трудно, только он не отстает, бежит вместе с овцами, покрикивает:

- Бя-бя-бя! Бя-бя-бя! А сам думает:

"Теперь- то я все узнаю, выведаю!"

Думал он, что Иванушка его не приметит. А Иванушка зорким был, сразу его увидел, только виду не подал - гонит овец, а сам нет-нет и стегнет их кнутом. Да все метит прямо хозяина по спине!

Пригнал овец на опушку леса, сел под кусток и стал краюшку жевать.

Ходят овцы по полянке, щиплют траву.

А Иванушка за ними присматривает. Как увидит, что какая овца хочет в лес забежать, сейчас на дудочке заиграет. Все овцы к нему и бегут.

А хозяин все на четвереньках ходит, головой в землю тычется, будто траву щиплет.

Устал, утомился, а показаться стыдно: расскажет пастух соседям - сраму не оберешься!

Как наелись овцы, Иванушка говорит им:- Ну, сыты вы, довольны вы, теперь и поплясать можно!

Да и заиграл на дудочке плясовую.

Принялись овцы скакать да плясать, копытцами постукивать!

И хозяин туда же: хоть и не сыт и не доволен, а выскочил из середины стада и давай плясать вприсядку. Пляшет, пляшет, ногами разные штуки выделяет, удержаться не может!

Иванушка все быстрее да быстрее играет.

А за ним и овцы быстрее и хозяин быстрее.

Уморился хозяин. Пот с него градом так и катится. Красный весь, волосы растрепались...

Не выдержал он, закричал:

- Ой, батрак, перестань ты играть! Мочи моей больше нет!

А Иванушка будто не слышит - играет да играет! Остановился он наконец и говорит:

- Ой, хозяин! Ты ли это?

- Да как же ты сюда попал?

- Да так, забрел невзначай...

- А тулуп зачем надел?

- Да холодно с утра показалось... А сам за кусты, да и был таков.

Приплелся домой и говорит жене:

- Ну, жена, надо нам поскорее батрака выпроводить подобру-поздорову, надо ему жалованье отдать...

- Что так? Никому никогда не отдавали, а ему вдруг отдадим...

- Нельзя не отдать. Он так нас осрамит, что и людям не сможем показаться.

И рассказал ей, как пастух заставил его плясать, чуть до смерти не уморил.

Выслушала хозяйка и говорит:

- Настоящий ты дурень! Нужно же тебе было плясать! Меня-то он под свою дудку плясать не заставит! Как придет, велю ему играть. Посмотришь, что будет.

Стал хозяин просить жену:

- Коли ты такое дело затеяла, посади меня в сундук да привяжи на чердаке за перекладину, чтоб мне вместе с тобой не заплясать... Будет с меня! Наплясался я утром, чуть жив хожу.

Хозяйка так и сделала.

Посадила мужа в большой сундук и привязала на чердаке за перекладину. А сама ждет не дождется, когда вернется батрак с поля.

Вечером, только Иванушка пригнал стадо, хозяйка и говорит ему:

- Правда ли, что у тебя такая дудка есть, под которую все пляшут?

- Правда.

- Ну-ка поиграй! Если я запляшу - отдадим тебе жалованье, а не запляшу - так прогоним!

- Хорошо, - говорит Иванушка, - будь по-твоему! Вынул он дудочку и стал плясовую наигрывать.

А хозяйка в это время тесто месила. Не удержалась она и пошла плясать. Пляшет, а сама переваливает тесто с руки на руку.

А Иванушка все быстрее да быстрее, все громче да громче играет.

И хозяйка все быстрее да быстрее пляшет.

Услыхал дудочку и хозяин на чердаке.

Стал он в своем сундуке руками да ногами шевелить, поплясывать. Да тесно ему там, все головой о крышку стучается.

Возился, возился да и сорвался с перекладины вместе с сундуком.

Прошиб головой крышку, выскочил из сундука и давай по чердаку вприсядку плясать!

С чердака скатился, в избу ввалился. Давай там вместе с женой плясать, руками да ногами размахивать!

А Иванушка вышел на крыльцо, сел на ступеньку, все играет, не умолкает.

Хозяин с хозяйкой за ним на двор выскочили и давай плясать да скакать перед крыльцом.

Устали оба, еле дышат, а остановиться не могут.

А глядя на них, и куры заплясали, и овцы, и коровы, и собака у будки.

Тут Иванушка встал с крыльца да, наигрывая, к воротам пошел.

А за ним и все потянулись.

Видит хозяйка - дело плохо. Стала упрашивать Иванушку:

- Ой, батрак, перестань, не играй больше! Не выходи со двора! Не позорь перед людьми! По-честному с тобой рассчитаемся! По уговору жалованье отдадим!

- Ну нет! - говорит Иванушка. - Пусть на вас добрые люди посмотрят, пусть посмеются!

Вышел он за ворота - еще громче заиграл.

А хозяин с хозяйкой со всеми коровами, овцами да курами еще быстрее заплясали. И крутятся, и вертятся, и приседают, и подпрыгивают!

Сбежалась тут вся деревня - старые и малые, смеются, пальцами показывают...

До самого вечера играл Иванушка.

А утром получил он свое жалованье и ушел к отцу, к матери.

А хозяин с хозяйкой в избу спрятались. Сидят и показаться людям на глаза не смеют.

МУЗЫКА-ЧАРОДЕЙНИК

Белорусская сказка

Жил на свете парень. Поглядеть на него, так ничем не приметный - и умом не быстрый, и в работе не ловкий, а вот на дудочке или на чем другом сыграть - великий был мастер. За то и прозвали его люди - Музыка, а про настоящее его имя, отцом-матерью данное, совсем позабыли.

Еще когда малым хлопчиком он был, пошлют его волов пасти, а он смастерит себе из лозы дудочку да так заиграет, что волы и те заслушаются - развезят уши и стоят, точно их кто околдовал.

А то пойдет Музыка в ночное. На дворе лето, ночи теплые, парит. Приведут хлопцы и девки коней на луг, пляшут, смеются, песни поют. Ведомо, молодость! Ей всегда весело!

А Музыка как заиграет на своей дудочке, все разом притихнут. И сдается, словно какая сладость в сердце входит, словно какая сила подхватывает - и несет, все выше и выше, к ясным зорькам, в чистое небо, в чистое синее широкое небо. Сидят парни и девки тихо-претихо.

Сидят и слушают. И ведь всю бы жизнь так сидели, всё бы слушали, как Музыка играет!

Вот замолчит он. Никто ворохнуться не смеет, как бы только голос тот не спугнуть, что поет, рассыпается по лугам и дубравам, по земле стелется, в небе звенит. Все птахи лесные примолкнут. Уж на что лягушки болтливы, так даже они замолчат, вылезут из своего болота и сидят на кочках, словно неживые.

А то вдруг заиграет Музыка протяжно, жалостливо. Заплачут тогда и лес, и дубрава, откуда ни возмись, тучки набегут, с неба слезы польются. Идут мужики и бабы домой - после целого-то дня работы, - слышат ту музыку и остановятся. И уж такая разберет их жалость, что даже мужики - старые, бородатые, - и те в голос заплачут, будто плакальщицы над покойником.

А Музыка тем часом возьми да сверни от жалостливого на веселое. Что тут делается! Побросают все свои косы и вилы, грабли и баклаги, возьмутся за бока и давай плясать. Пляшут старики, пляшут малые дети, пляшут кони, пляшут дубравы, пляшут зорьки, пляшут тучки - все пляшет, все смеется! Вот какой был Музыка-чародейник! Что захочет, то с сердцем и сделает.

А когда подрос Музыка, смастерил он себе скрипку и пошел бродить по белу свету, тешить людей. Ходит он по деревням и селам, играет на своей скрипочке, и кто его ни услышит, всякий в дом к себе позовет, напоит, накормит да еще на дорогу что-нибудь даст.

Так и жил бы себе Музыка, да на беду в тех местах чертей было видимо-невидимо. В каждом болоте водились, в каждом овражке. И никому от этой нечисти проходу не было. Видят черти, что куда Музыка ни придет, где на своей скрипочке ни сыграет, там люди в мире живут, - и невзлюбили они его. На то ведь и черти! Им жизнь не в жизнь, если людей не перессорят.

Вот раз как-то шел Музыка лесом, а черти его и выследили.

- Уж теперь-то, - говорят, - мы его изведем. - И наслали они на него двенадцать волков.

Вышли волки на дорогу, стоят, зубами ляскают, во все глаза на Музыку смотрят. А глаза-то у них круглые, что твои лукошки, и точно горячие уголья горят.

Остановился Музыка. Нет у него в руках ничего, чем бы от волков защититься, только скрипка в мешочке. Что тут делать? Что придумать? Видит Музыка - пришел ему конец. Достал он тут из мешочка свою скрипочку, чтобы напоследок еще хоть разок поиграть, прислонился к дереву и начал водить смычком по струнам. Что живая заговорила скрипка! Притаился лес, листком не шелохнет. А волки, как разинули пасти, так словно и окаменели. Стоят, слушают Музыку, а слезы из волчьих глаз сами собой текут.

Вот перестал Музыка играть, опустил свою скрипочку, к смерти приготовился. Вдруг видит: повернули волки в темный лес. Головы повесили, хвосты поджали, кто куда разбредаются. Обрадовался Музыка. Дальше своей дорогой пошел. Шел-шел и дошел до реки.

Солнышко уже за лес закатилось, только самые верхушки своими лучами трогает, будто золотом их вызолачивает. Больно хороший вечер! Сел Музыка на пригорке, достал свою скрипочку и заиграл, да так ладно, так весело, что и небо, и вода, и земля - все в пляс пустилось. Сам водяной не утерпел. Как начал он по дну реки скакать да разные коленца выкидывать! Забурлили, закипели ключом волны, выплеснулась река из берегов и пошла все кругом заливать. Вот уже к самому лесу подступает, всю опушку затопила. А на опушке как раз черти собрались - поминки по Музыке справлять. Ну и натерпелись же они страху! Едва живые из воды повыскакивали.

"Это что за напасть такая?" - думают. Поглядели туда-сюда, что за диво! Сидит на пригорке Музыка целый, невредимый и на своей скрипочке наигрывает.

- Да что же это такое! - плачут черти. - И волков он заморозил! Как же его сгубить? Житья от него нет!

А Музыка увидел, что водяной на радостях уже деревню топить хочет, и не стал больше играть. Спрятал свою скрипочку в мешочек и пошел дальше. Да не успел десяти шагов отойти, встречаются ему на дороге два паныча.

- Послушай, Музыка, - говорят ему те панычи, - сделай милость, поиграй нам на вечеринке. Уж мы тебе всего дадим, чего ни захочешь, и напоим, и накормим, и спать уложим.

Подумал, подумал Музыка - ночевать ему негде, грошей нету, и пошел с ними. Привели панычи Музыку в богатый дом. Смотрит он, а там народу видимо-невидимо. Вытащил Музыка свою скрипочку, приготовился играть. А гостей все больше и больше набивается. И кто ни придет - сперва к столу подбежит, обмакнет палец в миску и потрет себе глаза. Чудно Музыке. "Дай, - думает, - и я попробую". Сунул он палец в миску и чуть только тронул глаза, такое увидел, что дух у него захватило! Панов и паночек словно и не бывало, а вокруг него снуют самые настоящие черти и ведьмы. И дом-то вовсе не дом, а само чертово пекло!

"Ну, - думает Музыка, - поиграю же я, на славу поиграю, чтобы им, чертям, жарко стало!" Начал он наигрывать на своей скрипочке. Минуты не прошло - все вихрем закружилось. Столы-стулья вприсядку пошли, за ними окна с места сорвались, двери с петель снялись, а стены так ходуном и заходили. Да и где же устоять под такую музыку! Ни один гвоздик на месте не удержался, все пекло в щепки разлетелось. А черти - кувырком да колесом, - вприпрыжку да вприскочку разбежались кто куда.

С той поры, бояться черти Музыку, больше не цепляются к нему. А он ходит себе по свету, добрых людей веселит да тешит, лихих - без ножа по сердцу режет.

МАТТИ-ВЕСЕЛЬЧАК

Карельская сказка

Жили старик со старухой. Было у них два сына.

Старшего звали Тойво-неулыба. Хороший он был, работающий, только уж очень хмурый. Никогда не засмеется, никогда не запоет, одно знает - трубку курит, пыхтит. Рыбу на озере ловит - молчит, сосну в лесу рубит - молчит, лыжи мастерит - молчит.

Вот он какой был, Тойво-неулыба!

А младшего звали Матти-весельчак. Хороший он был парень - песни поет, разговаривает - весело смеется.

Умел он и на кантеле* играть. Как начнет струны перебирать, как заиграет плясовую - никто на месте не устоит, сами собой ноги в пляс идут.

Вот он какой был, Матти-весельчак!

Поехал раз Тойво-неулыба в лес по дрова. Отвел сани в сторонку, закурил трубочку, выбрал сосну хорошую и давай рубить.

Пошел по лесу стук да треск.

А возле той сосны медвежья берлога была.

Проснулся хозяин-медведь:

- Это кто стучит, мне спать не дает?

Вылез из берлоги, глядит: парень работает, сосну рубит, щепки из-под топора во все стороны летят.

Ух, рассердился медведь!

** Кантеле - народный музыкальный щипковый инструмент Карелии.*

- Ты зачем в моем лесу стучишь, спать мне не даешь? Зачем куришь-дымишь? Убирайся вон!

Да как хватит Тойво лапой. У того только куртка затрещала.

Выронил Тойво топор, покатился по снегу, перекувырнулся да прямо в сани и свалился. Испугалась лошадь, дернула, и понеслись сани по сугробам, по пням, по полям, да и вывезли Тойво из лесу.

Вот оно как было!

Приехал Тойво-неулыба домой - ни дров, ни топора, куртка разорвана и сам еле жив.

Ну да что поделаешь! А дрова-то нужны, печку топить нечем.

Вот поехал в лес Матти-весельчак. Взял топор да кантеле. Едет - играет и песню поет.

Приезжает Матти в лес и видит: стоит сосна, с одного боку надрублена, а рядом на снегу топор лежит.

Эге, да здесь Тойво рубил!

Отвел сани в сторонку, поднял топор, собрался сосну рубить, да раздумал. Дай-ка сначала на кантеле поиграю - веселей работа пойдет!

Вот он какой был, Матти-весельчак!

Сел на пенек да и заиграл. Пошел по лесу звон. Проснулся хозяин-медведь:

- Кто это звенит, мне уши щекочет?

Вылез из берлоги, видит: парень на кантеле играет, шапка на затылке, щеки румяные, глаза веселые, а сам песню поет.

Запросились у медведя ноги в пляс.

Заплясал медведь, затопал, заревел:

- Ух, ух, ух, ух!

Перестал Матти играть на кантеле. Перевел медведь дух и говорит:

- Эй, парень, научи меня на кантеле играть. Вот бы медвежата мои заплясали!

- Можно, - говорит Матти-весельчак, - отчего не научить!

Сунул медведю кантеле в лапы. А у медведя лапы толстые, бьет он по струнам, ох как худо играет!

- Нет, - говорит Матти, - плохо ты играешь. Надо тебе лапы тоньше сделать.

Повел он медведя к толстой ели, расщепил ее топором и в щель клин вставил:

- Ну-ка, хозяин, сунь лапы да держи, пока я не скажу. Сунул медведь лапы в щель, а Матти топором по клину как стукнет! Вылетел клин - медведю лапы-то и прищемило.

Заревел медведь, а Матти смеется:

- Терпи, терпи, пока лапы тоньше не станут. Без муки нет науки!

- Не хочу играть! - ревет медведь. - Ну тебя с кантеле твоим, отпусти ты меня домой!

- А будешь людей пугать? Будешь из лесу гнать?

- Не буду, ревет медведь, - только отпусти!

Загнал Матти клин в щель, вытащил медведь лапы и скорей в берлогу свою забрался.

А Матти-весельчак нагрузил полные сани сосновых дров, взял в руки кантеле и поехал из лесу. Едет и песню поет.

Вот он какой, Матти-весельчак!

Стали с тех пор люди без опаски в лес за дровами ездить.

ВОЛШЕБНАЯ ДУДКА

Белорусская сказка

Давно ли это было или недавно, так ли было или не так - теперь никто уж о том не знает.

Ну, так расскажем вам то, что деды своим внукам рассказывали, внуки - своим внукам. Когда-то жили люди в одной стране в мире и согласии. Земли много, всюду просторно - один другому не мешал, а случится с кем беда - друг другу помогали, беду одолевали.

Да вот повадился летать откуда-то в те края страшный-престрашный змей. Начал он летать, людское добро забирать, к себе в змеево логово таскать.

Натащил добра - и девать некуда! Задумал он тогда себе хоромы строить. А сам работать не умеет да ленится. Не привык змей работать. Начал людей он ловить, в свое, змеево логово носить.

Наловит людей и заставляет их строить хоромы, глубокими рвами их окапывать, высокими насыпями обсыпать, густой оградой окружать. А своим слугам велит людей не жалеть, бить и наказывать их.

Работают люди на змея, день и ночь трудятся, свою горькую долю проклинаят, прежде времени умирают.

А змей хватает все новых людей. Понастроил себе людским трудом столько хором, что не счесть, проложил между ними дороги, нагородил оград да частоколов.

Пухнут люди с голоду, мрут как мухи. И чем дальше, тем хуже: нету от змея спасения.

Но вот состарился змей, ослаб и лежит, еле дышит, не может уже хватать людей и таскать их добро.

Тем временем змеевы слуги сами панями заделались и начали из змеевых хором распозлаться, за людьми гоняться. И стало людям еще горше от панов, чем от того змея. Нигде от них не укроешься: все царство заполонили.

А чтоб не быть на людей похожими, повыдумали себе паны разные новые имена да прозвища. Кто Волком назвался, кто Медведем или другим

зверем, кто Коршуном, Вороной, а кто деревом каким-нибудь. Простых же людей они теперь иначе как "быдлом" не называли.

Служат люди змею, служат панам, последнее отдают, а сами в голоде да холоде за работою света не видят.

Вот так и живут. Одни умирают, другие рождаются, а облегчения нет никакого. И никто не знает, что делать, чтоб житье изменить.

И вот родился в том краю мальчик. Был он такой слабенький - как сызмальства занедужил, так и поправиться никак не может. Такой вышел хилый, что даже паны его не трогают, на панцину не гонят: никому он не нужный.

Подрос он, вошел в годы, а все с детьми играет, как маленький. И прозвали его люди Иванкой-простачком.

Сидит Иванка-простачок зимой на печи, игрушки из лучинок складывает, а летом песок на завалинке пересыпает.

Зашли однажды в ту деревню, где жил Иванка-простачок, трое старцев - калик перехожих. Куда они ни зайдут - везде пусто, ни живой души: всех паны на работу угнали.

Увидели старцы на завалинке Иванку и зашли к нему во двор отдохнуть.

Сели они, передохнули, трубки табаком набили. Пошарили в карманах - нету ни у кого кресала, чтоб огонь выкресать. Просят старцы у Иванки огня. Пошел Иванка в хату, набрал с загнетки угольков и вынес старцам.

Закурили старцы трубки, поблагодарили Иванку и спрашивают, что он дома делает.

- Песок на завалинке пересыпаю, - отвечает Иванка. - А что ни делай - все на панов идет.

Послушали калики перехожие Иванку, головами покачали, потом взяли лиры и громко заиграли.

В первый раз заиграли - большой ум Иванке дали.

Во второй раз заиграли - дар к слову и музыке дали.

В третий раз заиграли - на панов гнев в сердце нагнали.

Ушли старцы, и чувствует Иванка, как стало светло у него в голове, как гнев на панов закипел в сердце. Стал он за дело приниматься, в дорогу собираться.

Сделал себе дудку-веселушку да так заиграл, что не только люди, а звери и птицы заслушались.

Начал Иванка по людям ходить, на волшебной дудке играть, правду про змея и слуг его сказывать.

Стали у людей глаза открываться. Увидели они, что великая неправда на свете живет: одни пануют, другие горюют, одни богатству счету не знают, а другие с голоду помирают.

И куда ни придет Иванка - люди там ума от него набираются, за косы и топоры хватаются.

Думают паны, гадают, как бы Иванку со свету сжить. Начали они войско собирать, Иванку искать. Слышат голос на востоке - шасть туда. Сабли

звенят, пики, как лес, торчат, пушки, как гром, гремят, а Иванки нигде не видать...

Остановятся паны с войском, стоят, слушают. Вдруг слышат голос на западе - Иванкина дудка играет, людей научает, на великий бой подымает. Только щекот идет - гуляет от села к селу, от края до края.

Кинутся паны на запад. Кони вихрем летят, сабли звенят, пушки стреляют, а где Иванка - не знают.

И с той поры нету ни днем, ни ночью змеевым слугам покоя. Только дудку слышат, аж мороз по коже пробегает: ждут беды, как вол долбни.

А дудка посвистывает, дудка играет, щекот далеко по свету гуляет, людей собирает. Его ни поймать, ни пушками расстрелять. Всюду дорогу он пробивает, никаких преград не знает.

Играет дудка, играет, панов тревожит, а придет пора - их всех уничтожит.

МАСТЕР АЛИ

Казахская сказка

Много лет назад жил на свете хан. Он был такой жестокий и злой, что люди боялись даже в разговоре произносить его имя. А если случалось ему проезжать по дорогам, то жители убегали из селений в степи и прятались, где могли, чтобы только не попасть ему на глаза. Близких слуг своих он казнил без жалости за всякую провинность. Друзей у него не было: никто из окрестных ханов не решался быть в дружбе с таким жестоким и свирепым соседом.

Жена хана давно умерла с горя и тоски. Но у хана остался сын - молодой человек замечательной красоты и ума. Звали его Хусаин. Это было единственное существо на земле, которое любил жестокий хан.

Много друзей и товарищей было у Хусаина. С ними он скакал по степям, выезжал на соколиную охоту, состязался в стрельбе из лука. Но больше всего любил Хусаин уезжать в горы на охоту за дикими зверями. Сколько раз возвращался он домой радостный и довольный, а слуги несли за ним его добычу - туши диких вепрей и кабанов.

Старый хан беспокоился за сына и не любил, чтобы тот далеко уезжал в горы.

- Незачем тебе показывать свою удаль в этих опасных забавах, - повторял он, встречая сына.

Но Хусаин только смеялся. Он был уверен в своей силе и ловкости. Долгое время все шло хорошо.

Но вот однажды Хусаин снова собрался на охоту в горы. На этот раз он отправился один, не взяв с собой никого из слуг. Только своему старому конюху он сказал, что едет за диким вепрем, который недавно появился в этих местах.

Испугался старый конюх:

- Берегись, Хусаин, как бы не напал на тебя вепрь. Засмеялся юноша:

- Полно, старик, не бойся. Разве в первый раз я отправляюсь на такую охоту?

Стегнул коня - и ускакал. Ускакал Хусаин - и не вернулся.

Вечер наступил. Звезды зажглись над степью, потянуло запахом цветов и полыни. Вышел старый хан из своей шелковой палатки гневный, хмурый:

- Где Хусаин? Где мой сын?

Молчали слуги, потупили глаза в землю. Боялись они сказать старому хану, куда уехал Хусаин. Снимет с них хан головы за то, что отпустили юношу одного.

Ночь опустилась над степью. Не находит хан себе места от тоски. Топнул он ногой в сафьяновом сапоге и взмахнул шелковой плеткой.

- Эй, слуги!

Сбежались слуги со всех сторон. Стоят, глаз поднять не смеют, ждут, чего от них хан потребует.

- Скачите во все концы: в горы, в степь, вдоль реки. Ищите моего сына! Помните: кто привезет мне весть, что с Хусаином случилось что-нибудь недоброе, тому я залью глотку кипящим свинцом. Ступайте!

Просвистела еще раз ханская плетка. Кинулись слуги врассыпную, вскочили на коней, поскакали в степь, в горы искать Хусаина - ханского сына.

Не скоро нашли они бедного юношу. Лежал Хусаин с растерзанной грудью под большим развесистым деревом. Видно, напал на него дикий вепрь и вонзил ему в сердце острые клыки.

В горести и страхе стояли слуги над телом ханского сына. "Что теперь будет? Как сказать хану о страшном несчастье?" Плакали слуги и от горести при виде погибшего юноши, и от страха перед тем, что их ожидает, если принесут они хану страшную весть.

И сказал тогда старый конюх товарищам:

- Друзья, все вы знаете пастуха Али, что живет в хижине у горного ручья. Нищий пастух Али, а ум и искусство его славятся далеко. Он все знает и умеет: и кувшины лепит из глины, и арканы для ловли коней плетет, и новую пастушью свирель придумал. Пойдем к Али и спросим, как нам быть.

Пастух Али сидел у порога своей хижины и плел корзину из ивовых прутьев. С горестью выслушал он рассказ старых слуг:

- Мы пришли к тебе, Али, за помощью, - сказали они, кончив свою печальную повесть. - Научи, как нам спастись от страшной казни, которая нас ожидает.

Долго думал Али, поникнув седой головой.

- Хорошо, - сказал он наконец, - до утра еще далеко. Ложитесь и отдохните здесь у костра. Постараюсь помочь вашей беде.

На куче мягких опавших листьев и степных трав растянулись усталые слуги вокруг огня и заснули. А старый Али не спал. Он принес тонких досок, сухих конских жил и принялся что-то мастерить ножом.

Наутро слуги были разбужены нежной музыкой. Они вскочили и увидели старого пастуха. Али сидел, поджав ноги, и держал в руках не виданный ими прежде музыкальный инструмент. Тонкие струны были натянуты на нем. Али перебирал их пальцами, и инструмент пел в его руках, как живой.

- Теперь идемте к хану, - сказал старый пастух. Окруженный испуганными слугами, вошел он в палатку

хана.

- Ты принес мне весть о Хусаине? - грозно спросил хан.

- Да, великий хан, - ответил Али. И заиграл на том музыкальном инструменте, который он смастерил ночью.

Застонали, заплакали струны. Словно жалобный шум леса пронесся под шелковым шатром ханской палатки. Резкий свист ветра смешался с воем дикого зверя. Громко вкрикнули струны, словно человеческий голос, молящий о помощи. И снова звериный рев и жалобный шум леса...

Ужас охватил всех слушавших, - так ясно рассказала музыка о том, что случилось. Хан вскочил с места:

- Ты принес мне весть о гибели Хусаина? Но ты знаешь, что я обещал вестнику несчастья залить горло горячим свинцом?

- Хан, - спокойно отвечал старый пастух, - я ничего не рассказал тебе. Я не произнес ни одного слова. Если ты гневаешься, то накажи этот инструмент, который я смастерил и назвал домброй.

Хан в ярости и горе приказал плеснуть свинцом на домбру. И свинец выжег круглое отверстие под струнами.

Так старый Али своей находчивостью и мастерством спас жизнь ханским слугам. А у жителей степей появился с тех пор новый музыкальный инструмент - домбра. Очень полюбили его казахи и стали петь под звуки домбры свои прекрасные песни.

КАК СОВЫ УЧИЛИСЬ ПЕТЬ

Эстонская сказка

Было время, когда птицы все пели одинаково. От этого получалась большая путаница.

Бывало, услышит голубь красивую песенку, подумает, что голубка его поет-разливается. Полетит на голос да прямо в когти коршуну попадает.

Станет красногрудый снегирь сзывать своих птенцов, а на зов его слетаются серые воробьишки...

Наконец надоела такая жизнь птицам, и решили они так: сложим все песни в большой сундук и будем тянуть по очереди; кто какую песню вытащит, ту и станет петь весь его род. Назначили птицы день, час и место и слетелись со всех концов леса делить песни.

Одни совы опоздали. Были они большими лентяйками и очень любили поспать.

Птицы, пролетая к назначенному месту, позвали двух сов, дремавших на ветке, но те только приоткрыли свои круглые глаза и сказали друг другу:

- К чему спешить? Самые хорошие песни подлиннее да потяжелее, они, верно, завалились на дно сундука. Вот и достанутся нам.

Только к вечеру собрались совы получить свою долю. Заглянули в сундук, а там пусто. Все песни разобрали другие птицы. Так совам ничего и не досталось.

А разве можно прожить без песен? Друг другу и то не знаешь, как голос подать.

Горевали, горевали совы и наконец сказали:

- Давайте сами придумаем для себя какую-нибудь песенку.

А это было не так-то легко.

То затянут такое, что у самих уши заболят, то зальются трелью и уже обрадуются - вот-то хорошо! - да вдруг услышат: то же коленце, но гораздо складнее выводит какой-нибудь жалкий зяблик. Совсем приуныли совы.

А птицы кругом так и щебечут с утра до вечера им на зависть.

Однажды вечером встретились две подружки-совы в рощице за деревней. Поболтали о том, о сем, заговорили и о своей печальной судьбе.

И тут одна из них сказала:

- Не поучиться ли нам у людей?

- Вот это дело, - ответила вторая. - Я как раз слыхала, что сегодня на хуторе справляют свадьбу. А на свадьбах, уж это я верно знаю, поют самые лучшие песни.

Сказано - сделано.

Полетели совы в деревню, прямо на тот двор, где играли свадьбу. Пристроились на яблоне, что росла поближе к избе, и наострили уши.

Да на их беду никто из гостей не затягивал песню.

Надоело совам сидеть на ветке.

- Видно, и от людей не дожждаться нам помощи! - сказали они друг другу и уже собрались было улетать восвояси.

Но тут скрипнула дверь, распахнулась с шумом, выбежал какой-то весельчак на улицу и крикнул во весь голос:

- Уу-ух-уу!

- Чур, моя песня, чур, моя! - воскликнула первая сова.

- Ладно, - ответила ее подруга. - Ну и повезло ж тебе! В это время в конюшне проснулась лошадь. Проснулась

и громко зафыркала: -Фррр...

- А вот это моя, моя песня! - тотчас закричала вторая сова.

И обе улетели веселые, чтобы поскорее добраться до леса и похвастаться своими чудесными песнями перед другими птицами.

Кому случалось в ночную пору забрести в сосняк или березняк, или в ельник, тот, верно, слышал переключку двух птиц.

Одна кричит:

- Уу-ух-уу! Другая отвечает:

- Фррр... фррр... фррр-рр-рр!

Это и есть те самые совы, которые в старину летали на свадьбу учиться песням.

ПАСТУХ АНС

Латышская сказка

У одного богатого барина служил в пастухах бедный паренек. Звали его Анс. Славный это был малый. Все в деревне и на барском дворе любили его за добрый нрав, а больше всего за то, что он очень хорошо играл на дудочке. Вырезал Ане ее сам из простого тростника и никогда с ней не расставался. И легче и веселее становилось жить тем, кто слышал песни Анса.

Только барин не любил этих песен. Грубо и жестоко обращался он с Ансом и не раз кричал ему:

- Опять ты свои глупые песни поешь! Я тебя нанимал скотину пасти, а не в дудку свистеть! - Хотя дудочка нисколько не мешала Ансу выполнять его работу.

Рассердился однажды барин на Анса за какой-то пустяк и прогнал его от себя. Да не просто прогнал, а еще дудочку его схватил и изломал. Злость свою на бедном парне сорвать хотел. Вот, мол, тебе! Как теперь играть станешь?

Заплакал Анс и пошел прочь с барского двора. Идет по дороге, слезы вытирает. А навстречу ему старичок.

- Кто ты, паренек? Чего плачешь?

- Я - бедный Анс, дедушка. Прогнал меня барин, обидел, да еще дудочку мою любимую на мелкие части изломал.

А старичок и говорит:

- Не плачь, Анс, пойдем со мной. Я научу тебя, как барину отомстить.

Взял его старичок к себе, и сделал Анс новую дудочку, лучше прежней. Научил его старичок играть на этой дудочке так чудесно, что все лесные звери сбегались к Ансу, садились вокруг и слушали музыку.

А барин и забыл, как он бедного пастуха обидел. Он уже о другом думает. Ведь у барина что ни день, то новые капризы. Вот призвал он к себе сыновей и говорит:

- Видел я во сне чудесного зайца. Весь он белый, как снег, а на лбу черная звездочка. Хочу такого зайца у себя в саду держать!

- Откуда же мы, батюшка, тебе такого зайца достанем? - говорят сыновья. А барин еще больше капризничает:

- Хочу такого зайца! Кто из вас мне его принесет, тому в наследство все свое имение оставлю.

Вышли братья от отца, думают, гадают, как им быть. Старший брат и говорит:

- Пойду я, братцы, в лес, попробую отцу такого зайца найти.

Вышел он из ворот, идет по дороге, навстречу ему старичок.

- Куда, паренек, путь держишь?

Рассказал ему старший брат, куда он отправился. Старичок его и учит:

- Ты пойдешь в лес, там пастух Анс моих коров стережет. Спроси, не может ли он тебе помочь.

Пошел старший брат в лес, нашел пастуха Анса, рассказал ему про свое дело. Усмехнулся Анс:

- Хорошо, - говорит, - помогу я тебе такого зайца достать. Приходи сюда нынче к вечеру, да носи с собой тысячу рублей денег.

Обрадовался старший брат: тысяча рублей - деньги большие, да зато все отцовское богатство ему достанется. Пришел он вечером в лес и деньги принес. И видит: сидит Анс на пеньке, а в руках у него дудка. Играет он на ней так хорошо, как и барские музыканты не сыграют. А вокруг пенька разные звери собрались, и заяц с черной звездочкой на лбу тут же сидит. Взял Анс зайца за уши, подает барскому сыну.

- Бери, - говорит, - и носи домой. Да только держи крепче. Коли выпустишь - не вернешь.

Отдал старший брат Ансу деньги, поблагодарил и побежал домой. Едва он из лесу вышел, Анс снова на своей дудочке заиграл. Как услышал заяц музыку, вырвался из рук барского сына и ускакал обратно в лес, только его и видели. Побежал барский сын обратно, разыскал Анса и говорит:

- Заяц-то твой у меня из рук вырвался, в лес убежал. Как теперь быть?

- А уж я не знаю, - Ане отвечает, - я тебе его в руки дал. Сам виноват, что не удержал. Иди домой без зайца.

Пришел старший брат домой, рассказывает остальным, что с ним случилось.

- Завтра я пойду, - говорит средний брат.

Случилось с ним все так же, как со старшим братом. У Анса уже две тысячи денег в кармане, а барские сынки все с пустыми руками из лесу возвращаются.

Так же и с третьим братом случилось...

Видит барин - ничего сыновья сделать не могут. Решил сам в лес отправиться, белого зайца отыскать. Расспросил он сыновей, как к пастуху добраться, и отправился в лес.

Как увидел Анс, что к нему барин идет, заиграл он на своей дудочке. И мигом сбежались к нему все лесные звери. Не только зайцы, а и волки и медведи. Обомлел барин от страха - не знает, куда ему от диких зверей скрыться. А Анс и говорит:

- Помнишь, барин, как ты меня и всех слуг обижал? А теперь захочу я - кинутся на тебя звери и растерзают.

Повалился барин Ансу в ноги:

- Голубчик, что хочешь возьми, половину имения своего тебе отдам, только не губи!

- Ладно, - говорит Анс, - согласен. А ты, барин, помни, что и бедняки могут управу на бар найти.

МОЛОДЦУ И СЕМИДЕСЯТИ ИСКУССТВ МАЛО

Узбекская сказка

В стародавние времена жил в одном городе старик. Было у него триста золотых монет. Однажды позвал он сына, усадил возле себя и сказал:

- Алиджан, ты стал уже большой, а я состарился. Хочу при жизни обучить тебя торговому делу. Вот тебе сто золотых. Завтра поедешь с караваном купцов. Будешь в другом городе - не трать деньги без толку, закупи на них товаров. С такими наставлениями старик отправил сына в дорогу. А сыну только что исполнилось восемнадцать лет.

Был он хороший, умный юноша. Но торговли не любил и мечтал научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы жить трудом своих рук. Однако спорить со стариком-отцом Алиджан не посмел, взял деньги и отправился вместе с купцами.

Через несколько дней пришел караван в большой город и остановился в караван-сараях. В городе был большой сад. В тот же день вечером Алиджан отправился туда погулять.

Вошел он в сад, а там светло, как днем. Всюду горят светильники. Среди деревьев, за решеткой возвышается на мраморной площадке легкая резная беседка, искусно расписанная яркими красками. На полу, устланном коврами, расставлены золотые, серебряные и рубиновые столики. А на столиках стоят фигурки из драгоценных камней. Больше сотни юношей сидят попарно у столиков и передвигают фигурки.

Остановился Алиджан около решетки и застыл от изумления. Не может оторвать глаз от диковинного зрелища.

Так простоял он несколько часов. Наконец заметил его прислужник сада, подошел и спросил:

- Что вы здесь стоите? Чему удивляетесь?

- Что это за люди и что они делают? - спросил Алиджан.

- Эти юноши учатся играть в шахматы, - ответил слуга.

- А можно поступить в эту школу? - спросил Алиджан.

- Можно, - сказал слуга. - Нужно заплатить сотню золотых.

Вспомнил Алиджан наставления отца, с минуту поколебался, но горячее желание научиться играть в шахматы победило. Отдал он сто золотых и начал прилежно учиться.

Вскоре Алиджан научился так хорошо играть в шахматы, что побеждал даже своих учителей. Через год ученье закончилось, и юноши стали разъезжаться по домам. Алиджан приуныл. "Куда же я поеду без денег?" - думал он.

Учитель пожалел Алиджана, дал ему один золотой и отправил на родину с попутным караваном. Алиджан вернулся домой с пустыми руками. Отец очень огорчился.

Прошел год. Старик опять позвал сына. После долгих наставлений вручил ему еще сотню золотых и вновь отправил с караваном купцов по торговым делам. Караван пришел в тот же большой город.

"Теперь я не буду зря тратить деньги", - решил Алиджан.

Вечером пошел он погулять. Вот подходит юноша к саду и слышит прекрасную музыку. Не удержался он, вошел в сад. Смотрит - на том же месте, где он учился играть в шахматы, сидят юноши и играют на разных музыкальных инструментах. Алиджан вмиг позабыл все наставления отца, вынул из мешочка сто золотых, отдал их учителю и начал обучаться музыке. В короткое время он так хорошо научился играть, что стал гораздо искуснее своих учителей. Через год ученье закончилось. Алиджан загрузил.

"Как я теперь покажусь отцу?" - думал он. Учитель пожалел его, дал ему два золотых и отправил домой. Алиджан вернулся к отцу. Хоть и рад был старик возвращению сына, но разобрал его еще больше, чем в прошлый раз.

Прошел год. Однажды старик позвал сына, дал ему последние сто золотых и сказал:

- Если ты попусту истратишь и эти деньги, мы останемся без куска хлеба и без крова над головой.

И он взял с сына клятву, что тот израсходует деньги только на закупку товаров.

Алиджан снова приехал с купцами в тот же большой город. Сначала отправился он в баню - смыть дорожную пыль. Возвращаясь из бани, дошел Алиджан до знакомого сада и подумал: "Дай-ка загляну хоть на минутку!"

Только он так подумал, как уже очутился посреди сада. Смотрит - на том же мраморном возвышении сидят юноши и пишут слова, а учитель им диктует.

Алиджан замер от восторга, не в силах оторвать глаз от чудесного зрелища. Долго он раздумывал и наконец сказал сам себе: "Выучился я играть в шахматы, обучился музыке, а писать не умею. Пусть я стану нищим, но зато выучусь читать и писать!" Отдал Алиджан последние сто золотых и начал учиться. Как и раньше, он учился лучше всех и скоро кончил школу. Опять у него не было денег, чтобы вернуться в родной город. Учитель дал ему три золотых и отправил в дорогу. Но теперь Алиджан не решился вернуться к отцу. Он нанялся слугой к одному купцу, который собирался в далекий город. Товары купца уже были погружены на верблюдов. Утром, до восхода солнца караван двинулся в путь. День и ночь ехали путники, нигде не встречая воды. Наконец они увидели колодец. Но воды в нем было немного, только на самом дне. Приказал купец своему новому слуге достать воды. Спустился Алиджан в колодец, добрался до воды, наполнил бурдюк и вдруг увидел дверцу.

"Что бы это значило?" - подумал Алиджан и приоткрыл ее. Смотрит, а за дверцей большая комната. На ковре сидит дэв, уныло опустив голову. И в руках у него скрипка.

Алиджан не испугался, оставил у двери бурдюк, тихонько подошел к дэву и, взяв скрипку у него из рук, заиграл. Услышал дэв нежные звуки скрипки и словно пробудился ото сна. Он подполз к Алиджану и погладил его по голове.

- О человек, как ты сюда попал? - спросил дэв. Алиджан рассказал. Потом он вспомнил про караван

и заторопился уходить. Но дэв не отпускал его.

- Чего ты хочешь больше всего на свете? Все для тебя сделаю! - сказал он.

Алиджан с удивлением взглянул на дэва.

- У меня умер единственный сын, - объяснил дэв. - Вот уже пять дней, как его нет на свете. Я остался один, и так мне стало тоскливо, что я сам был готов умереть. Чтобы отвлечься от горя, я взял в руки скрипку, но играть не смог. Если бы ты пришел на несколько часов позже, меня бы уже не было в живых. Своей игрой ты спас меня от смерти. Хочешь, я отдам тебе все мои богатства?

- Помогите мне выбраться из колодца, - ответил Алиджан. - Больше мне ничего не надо.

И он сыграл еще раз на скрипке тот же напев. Дэв дал ему мешочек золотых монет и сказал.

- Закрой глаза!

Алиджан закрыл глаза и в одно мгновение оказался наверху возле колодца. Открыл Алиджан глаза, смотрит, а каравана уже нет.

Пошел Алиджан по следам верблюдов и догнал караван. Все очень удивились, стали расспрашивать, как он выбрался из колодца. Алиджан рассказал по порядку все, что с ним было, и показал подаренный дэвом мешочек с золотом.

У жадного купца при виде золота даже руки затряслись.

Когда караван остановился на отдых, взял купец листок бумаги, написал письмо и запечатал своей печатью. Письмо он отдал Алиджану и сказал:

- У меня есть красавица дочь. Я выдам ее за тебя. Поезжай ко мне и подготовь все для свадьбы. Да смотри не потеряй свои золотые! Через три дня я тоже буду дома.

Дал купец Алиджану быстрого иноходца и рассказал, как найги его дом.

Ехал Алиджан, ехал, остановился передохнуть и подумал: "Я отдал сто золотых, чтобы научиться читать и писать. Дайка посмотрю, что там в письме". Распечатал письмо, начал читать и сразу изменился в лице.

Вот что писал купец жене: "Посылаю тебе золото, которое в руках у этого слуги. Я обманул его - сказал, что выдам за него дочь. Прикажи тотчас же отрубить ему голову".

Тогда взял Алиджан перо, бумагу и написал такое письмо: "Прими с почетом и уважением этого дорогого гостя и выдай за него замуж нашу дочь. Свадьбу устрой сейчас же, не дожидаясь моего приезда".

Сделал Алиджан из глины печать, запечатал письмо и поехал дальше. Приехал он в город, где жил купец, разыскал его дом и отдал письмо его жене. Прочитала она письмо и приняла гостя с большим почетом. На другой же день отпраздновали свадьбу Алиджана с дочерью купца.

Два дня Алиджан пировал дома с молодой женой, а на третий сел на иноходца и сказал, что едет по торговым делам. А слугам приказал:

- Никому не открывайте ночью ворота. А если кто полезет через стену, схватите его и поколотите. Так приказал ваш хозяин.

Ночью приехал купец с караваном и стал стучать в ворота. Стучал он два часа подряд, но никто ему не открыл. Тогда купец перелез через стену и спустился во двор. Тут набросились на него слуги и избивали палками до полусмерти.

Долго лежал купец без памяти, потом очнулся и с трудом добрался до своей комнаты. Поздоровался он с женой и спрашивает:

- Ну, рассказывай, что ты сделала, когда к тебе приехал человек с моим письмом?

- Исполнила ваше приказание, - ответила жена.

- А где же золотые?

- Какие золотые? - удивилась жена.

- Я же тебе писал, чтобы ты приказала убить этого человека, а его золотые взяла и спрятала!

- Ой, что с вами! Как же убить своего зятя?

- Какого зятя?

- Мужа нашей дочери.

- Когда ты выдала ее замуж?

- Два дня тому назад.

Хлопнул себя купец ладонью по лбу и начал ругать жену.

- А где он сам? - спросил купец про Алиджана.

- С утра уехал по торговым делам и приказал никому не открывать ночью ворота, - ответили слуги. - А если кто перелезет через стену, схватить и хорошенько поколотить.

Понял купец, что был наказан за свою жадность.

Пусть купец пока что охает и залечивает свои синяки, а вы послушайте теперь про Алиджана.

Долго ехал Алиджан на своем иноходце и наконец добрался до большого города. Был базарный день. По базарной площади ходил глашатай и кричал:

- Слушайте все! Кто умеет хорошо играть в шахматы, пусть идет во дворец к шаху. Кто выиграет три раза подряд, тому шах отдаст свой трон. А кто три раза подряд проиграет, того шах казнит.

Услыхал Алиджан слова глашатая, пошел во дворец к шаху и сказал, что хочет играть с ним в шахматы.

- Известны ли тебе мои условия? - спросил шах.

- Да, - ответил Алиджан. - Условия мне известны. Сели играть. Алиджан раз проиграл, два раза выиграл.

Опять стали играть. Шах два раза выиграл и раз проиграл. Начали игру снова. Алиджан подряд выиграл три раза. Делать нечего, пришлось шаху уступить Алиджану свой трон. Но Алиджан сказал:

- Нет у меня желания быть шахом. Хочу я вернуться в свой родной город.

Заехал Алиджан за своей женой и вместе с нею отправился к старику-отцу. Когда он рассказал отцу все, что с ним было, старик с восхищением и радостью воскликнул:

- Молодец, сынок! Скольким искусствам ты научился и от скольких смертей спасся!

- Молодцу и семидесяти искусств мало! - весело ответил Алиджан. С тех пор счастливо зажил Алиджан в родном городе, обучая народ музыке и грамоте.

ПОЮЩИЙ ЧАТХАН

Хакасская сказка

Давным-давно жил старик пастух. Звали его Чатхан. Много скота было у хана. Много было и пастухов. Трудная служба у пастуха: одни заботы и никаких радостей.

Долго думал Чатхан, как бы облегчить жизнь пастухов, и придумал: сбил из дощечек длинный и узкий ящик, натянул на нем струны и начал играть. Пастухи приходили послушать музыку.

Когда играл Чатхан, замолкали птицы, звери останавливали свой бег, рыбы замирали в реках и озерах, в степи поднимали голову и слушали музыку овцы, коровы и кони, а люди забывали усталость. Легкой стала работа пастухов.

Разбредутся стада по степи. Чатхан возьмет свой музыкальный ящик, тронет струны - и стада послушно возвращаются к нему. Один управлялся он с бесчисленными стадами хана.

Однажды случилась беда. О волшебном ящике узнали одноглазые чудовища айна. Они пришли из-за высокой горы, убили старика, унесли музыкальный ящик, угнали скот бедняков. Только ханские стада остались в степи. Был у старика внук. Рос он не по дням, а по часам. А когда подрос, сказал матери: - Сделай мне лук и стрелы.

Мать сделала ему гибкий лук и твердые стрелы. Хорошим стрелком стал внук Чатхана! Направо пустит стрелу - тридцать птиц падает, налево пустит - двадцать птиц убивает.

Мать строго-настрого запретила сыну ходить за большую гору. А мальчику любопытно: что же там, за той высокой горой?

Однажды поднялся он на вершину и увидел возле пещеры большой дом без окон.

Мальчик подкрался к дому и прислушался. За стеной людские голоса, как пчелы, жужжат. Один говорит:

- Еда кончилась... Другой сказал:

- Нужно кобылицу заколоть.

- Нет, - сказал третий, - лучше корову и овцу зарезать.

Вдруг в доме все притихло и послышалась музыка. Закачались леса, затрепетали на деревьях листья. Легко и весело стало кругом. Заржала кобылица, замычала корова, заблеяла овца, вышли они из пещеры, подбежали прямо к дому и остановились.

Мальчик спрятался за большой камень и стал смотреть, что будет дальше.

Из дома вышли семь черных одноглазых айна. Они зарезали животных и стали носить в дом мясо.

Давно не ел мальчик мяса! Он протянул из-за камня стрелу и наколол наконецником коровью грудинку. Одноглазые айна ничего не заметили.

Мальчик притащил свою добычу матери. Она обрадовалась, но когда узнала, куда ходил сын и как достал грудинку, опечалилась.

- Эти айна убили твоего деда. Я боюсь, не было бы новой беды... За-чем ты туда ходил? - сказала мать.

- Ничего не бойся, - ответил мальчик.

На другой день он взял лук и стрелы и снова отправился за гору. Он подкрался к дому и стал слушать. В доме спорили.

- Кто съел грудинку? - спрашивал один.

- Сам, наверно, и съел, - отвечал другой.

- Не было грудинки. Вы ее, наверно, оба потихоньку съели, - говорил третий.

Спорили они, спорили и решили пересчитать кости. Посчитали: нет костей от коровьей грудинки. Тогда один сказал:

- Вырос внук Чатхана. Это его рук дело. Надо убить его!

Выбежали одноглазые из дома, толкаются, как слепые, Взялись они за руки и пошли с горы.

Мальчик переждал немного и пробрался в дом. Перед дверью он вырыл глубокую яму, прикрыл ее ветками, присыпал ветки землей. Потом взял ящик деда и заиграл. Одноглазые уже спускались с горы, но слышали музыку и побежали обратно.

Кинулись они к двери и провалились в яму. Мальчик яму засыпал землей, и все айна погибли.

Потом он взял чудесный ящик и заиграл на нем. Открылась пещера, заржали кони, замычали коровы, заблеяли овцы. Пошел мальчик с горы, а за ним шли стада.

Снова стали жить пастухи счастливо. Мальчик играл и пел им о коварных айна, о злых ханах, о добрых и могучих богатырях.

С тех пор поющий ящик стали называть в народе чат-хан - в честь старика, а мальчика прозвали *хайджи* - певец.

МАЛЫШ РЫСТУ

Алтайская сказка

Далеко- далеко, там, где небо с землей сливается, на подоле синей горы, на берегу молочного озера жил мальчик. Ростом он был с козленка. Из двух беличьих шкурок мальчик сшил себе шапку, из козьего меха -мягкие сапожки. Лицо у него было как луна круглое, и никогда он не плакал.

Язык птиц и зверей мальчик хорошо понимал, пчел и кузнечиков внимательно слушал. Он и сам то зажужжит, то застрекочет, то как птица защебечет, то засмеется как родник. Дунет мальчик в сухой стебель - стебелек поет, тронет мальчик пальцем паутинку - она звенит.

Вот однажды ехал мимо молочного озера хан Ак-каан верхом на рыжем коне. Услыхал Ак-каан нежный звон.

"Это не птица поет, не ручей бежит", - подумал хан.

Перегнулся он через седло, раздвинул кусты и увидел круглолицего мальчика. Малыш сидел на корточках, дул в сухой стебель, и стебель пел, словно золотая свирель.

- Как тебя зовут, дитя?
- Мое имя Рысту - Счастливый.
- Кто твой отец? Где мать? Кто тебя кормит, поит?
- Отец мой - синяя гора, мать моя - молочное озеро.
- Хочешь быть моим любимым дитятей, Рысту? Я сошью тебе со-
болью шубу, покрою ее чистым шелком, дам тебе проворного иноходца, по-
дарю серебряную свирель. Садись, малыш, на круп моего коня, обними меня
покрепче, и мы полетим быстрее ветра к моему белому шатру.

Рысту прыгнул на круп коня, обнял хана Ак-каана, и конь помчался
быстрее ветра.

Было у хана двое детей: сын Кез-кичинек и дочь Кара-чач.

Услышали они ржание коня, выбежали навстречу отцу, стремя поддер-
жали, коня расседлать помогли.

- Что ты привез нам, отец?

Хан Ак-каан схватил Рысту за шиворот, поставил его перед своими
детьми.

- Вот какой привез вам подарок! Дайте ему серебряную свирель, и он
будет играть вам песенку днем и ночью.

Но Рысту играть на серебряной свирели не захотел. Он от обиды слова
вымолвить не мог.

- Не хочешь моих деток потешить, - рассердился хан, - будешь, непо-
корный мальчишка, мой скот пасти!

И вот днем без отдыха, ночью без сна перегонял Рысту ханские стада с
пастбища на пастбище, где трава слаще, где вода чище. Летом солнце жгло
малыша, зимой мороз пробирал до костей. Мягкие его сапожки покороби-
лись, легкая шубка присохла к плечам. Глаза научились слезы лить. Но никто
ему слез не отер, никто вместе с ним не заплакал.

Однажды летним днем зацепился малыш сапожком за корень, спотк-
нулся, упал лицом в траву, а встать не может, ослаб. Так лежал он и вдруг
слышит - муравьи говорят:

- Когда этот Рысту на синей горе у молочного озера жил, он плакать
не умел.

- О чем же так горько он теперь плачет?

- Ноги его стертые болят, руки его натруженные устали.

- Да, тяжело ему день и ночь за стадом ходить.

- А сказал бы он, как перепел детям своим говорит: "Пып!", и коровы,
как перепелята, не сдвинулись бы с места.

- А крикнул бы он, как коростель кричит: "Тап-таж-лан!", и коровы
поиграли бы с ним на лугу.

- Пып! - молвил Рысту по-перепелиному. Коровы тут же легли.

- Тап-таж-лан!

Коровы поднялись с травы, плясать начали.

Теперь малыш повеселел. Он сидел на берегу реки и играл с береговы-
ми ласточками. А коровы плясали на лугу.

Узнал об этих забавах хан Ак-каан, как туча посинел, как гром загремел:

- Коров пасти не хочешь? Будешь масло сбивать!

Поставили малыша к большому чану с молоком, дали в руки длинную палку-мутовку и заставили крутить ее день и ночь. Руки мальчика отдыха не знали, сомкнуть глаза он ни на миг не смел. Семья хана, гости, даже слуги ели лепешки с маслом, а малыш Рысту и сухой лепешки не видал.

- Хочешь угощу? - смеялась Кара-чач. - Сыграй на серебряной свирели! Вот лепешки, вот свирель.

- Это я принес свирель! - закричал Кез-кичинек.

- Нет, я! - крикнула девочка и вцепилась брату в волосы. Тот размахнулся, хотел ударить ее, но Рысту сказал:

- Пып!

И рука девочки прилипла к волосам брата, рука мальчика - к плечу сестры.

- Что с вами, дети мои? - заплакала ханша, обнимая сына и дочку. - Почему такая беда с вами случилась? Лучше бы этот мальчишка прилип к своей палке-мутовке.

- Пып! - тихонько прошептал Рысту, и ханша прилипла к своим детям.

- Что случилось? Почему все плачут, а ты один смеешься, непокорный Рысту? - рассердился хан. - Отвечай, что с моей ханшей? Что с моими детьми? Не ответишь - голову твою отрублю, сердце твое прокалю!

- Пып!

И хан остался стоять рядом со своей ханшей: в одной руке пика, в другой нож.

А малыш Рысту бросил палку-мутовку, толкнул ногой большой чан, срезал сухой стебелек, дунул в него и запел.

Слушая эту песенку, хан дрожал, как мышь, ханша стонала, как большая лягушка, дети тихо плакали. Пожалел их малыш, правую руку поднял, его круглое лицо заалело.

- Тап-таж-лан! - крикнул он.

Хан, ханша, Кез-кичинек, Кара-чач - все четверо в ладоши захлопали, ногами затопали, приплясывая, из шатра выскочили.

А счастливый Рысту шагнул через золотой порог, на золотой ханский помост взошел. Один раз поскользнулся, в другой кувырнулся, рассердился на самого себя, самому себе "Пып!" сказал и тут же к золотому помосту прилип.

Посидел- посидел, кругом поглядел - белый чистый войлок ханского шатра туго натянут на прочные жерди.

Небо только через дымоходное отверстие увидеть можно - маленький синий клочок величиной с ладонь. Душно стало малышу в ханском шатре на золотом помосте.

- Тап-таж-лан!

Помост подпрыгнул, малыш к дымоходному отверстию подскочил, наружу выскочил, на землю упал, встал и побежал к молочному озеру, к си-

ней горе. Из озера молока ладонью зачерпнул, напился. На синей горе шалаш себе поставил. Там он и поныне живет. Поет счастливые песни, играет на стеблях цветов, будто на свирели, паутинные нити пальцами перебирает, и паутинки в ответ тихим звоном звенят.

Эти песни, посвист, звон каждый может услышать, кто к тому месту, где небо с землей сливается, подойдет.

КАК ЧЕЛОВЕК ПТИЧКАМ ПЕСНЮ ВЕРНУЛ

Эскимосская сказка

В уютном гнездышке жили три маленькие птички - три пуночки.

Пуночка- мать каждый день летала за добычей, а птенчики сидели в гнездышке и пели свою песенку. Только появится солнышко, пуночки начинали петь:

Солнце, землю лучами согрей,
Чтобы птенчикам весело было,
Чтобы пуночка в гнездышко деткам скорей
И личинок, и мошек носила.
А-я-гу-на-ля-ля! А-я-гу-на-ля-ля!

Далеко слышна песенка пуночек. Услыхал ее ворон. Подлетел к птенчикам и говорит:

- Хорошо вы поете! Спойте-ка еще разок да погромче!

Закрыли птенчики глазки и запели что есть силы. Схватил тут ворон песенку клювом, вырвал ее у пуночек и полетел в свое гнездо на скалах.

Прилетел к себе и запел:

Солнце, землю лучами согрей,
Чтобы мыши из нор выбегали,
Чтобы вороны в гнезда для черных детей
Поскорее добычу таскали.
А-я-гу-на-кар-кар! А-я-гу-на-кар-кар!

Прилетела пуночка-мать к гнездышку. Видит - малыши-птенчики горько плачут.

- О чем вы плачете, дети? Кто вас обидел? - спрашивает она.

Отвечают ей птенчики сквозь слезы:

- Хитрый ворон отнял у нас песенку!

- Ай-яй-яй, - огорчилась пуночка-мать, - а куда же улетел ворон?

- Вон в ту сторону, где скалы над морем.

- Не плачьте, я позову на помощь человека с луком. Он нам поможет.

Полетела пуночка к охотнику. Прилетела, села около землянки и смотрит на дверь. Увидел ее охотник и спрашивает:

- Зачем ты прилетела ко мне, маленькая пуночка?

- Добрый человек, ты все можешь сделать. Помогите нам. Ворон отнял у нас песенку!

Охотник подумал и сказал:

- Хороша ваша песенка. Я так любил слушать ее по утрам! Укажи мне, куда улетел ворон.

- Вон на тех скалах над морем гнездо ворона, - ответила пуночка.

Взял охотник лук со стрелами и отправился к скалам. Следом за охотником полетела пуночка.

Подошел охотник к скале, а ворон сидит, зажмурившись, и поет:

Солнце, землю лучами согрей,

Чтобы мыши из нор выбегали,

Чтобы вороны в гнезда для черных детей

Поскорее добычу таскали.

А-я-гу-на-кар-кар! А-я-гу-на-кар-кар!

«Вот я тебя сейчас проучу, старый крикун!» - подумал охотник и стал прицеливаться в ворона.

А ворон ничего не видит и не слышит.

Открыл клюв, высунул язык и поет. Песенка так и вертится на кончике вороньего языка.

Натянул охотник лук и пустил стрелу. Полетела стрела и вырвала песенку из вороньего клюва вместе с кончиком языка.

Начала падать песенка со скалы в море, а пуночка подхватила ее на лету и полетела в гнездышко к своим птенчикам.

Потерял ворон песню вместе с кончиком своего языка. С тех пор и стал совсем безголосым: петь не умеет, только каркает.

А пуночки, чуть покажется утреннее солнышко, опять распевают:

Солнце, землю лучами согрей,

Чтобы птенчикам весело было,

Чтобы пуночка в гнездышко деткам скорей

И личинок, и мошек носила.

А-я-гу-на-ля-ля! А-я-гу-на-ля-ля!

Так поют они и вспоминают доброго охотника, вернувшего им песню.

ОТКУДА ПРИШЛА РАДОСТЬ

Саамская сказка

Вот как было.

Летала дочь Солнца Акканийди - Ясное Пятнышко по небу, смотрела с высоты небесной на землю, согревала оленей в тундре, птиц и зверей по лесам и оврагам, рыб в морях и озерах... Все живое она понимала, всем давала радость. Только люди были ей непонятны: то обрадуются ее теплоте взгляда, то нахмурятся, спрячутся в вежу*. По каким законам живут они? Отчего плачут? Отчего смеются? Почему враждуют друг с другом?

Пригляделась Акканийди к людям, видит: нет среди них ровни. Одни едят сытно, в собольи шапки рядятся, на охоту не ходят, не пасут оленей. Другие для них зверя промышляют, оленьи стада водят, а сыты не бывают, одеты бедно, ходят голову понуриив. Пожалела этих людей Акканийди, захотелось ей дать им такую радость, которая никогда бы их не покидала.

Вот настал вечер, кончило Солнце свой путь по небу, свалилось за море спать-отдыхать. Стала просить его Акканийди:

- Пусти меня, отец, на землю к людям! Встревожилось Солнце, глянуло сердито, говорит:

- Чего ты там не видала? Мало тебе на небе простора?

- Скучно мне! - говорит Акканийди.

- Как так скучно? Играй с тучами в прятки, пляши с солнечными лучами, пой песни с ветром! А люди - им и обидеть недолго. Они такие.

*** Вежа - старинное жилище саамов.**

Примолкла Акканийди, а потом снова просит:

- Отпусти, отец, хоть ненадолго!

Подумало Солнце: "Не отпустишь - улетит без спросу!"

- Что ж, - говорит. - Ладно, полетишь завтра. А сейчас спи - отдыхай до утра.

Вот настало утро, проснулась Акканийди, видит: лежит она на оленьей шкуре в человеческой веже. Стоят перед нею старик и старуха, смотрят во все глаза на такое диво. Не было у них детей, жили одни, а тут вдруг девочка-подросток лежит на оленьей шкуре. Личико у нее круглое, румяное, как ягода морошка, смотрит на них теплыми глазами. Откуда только явилась?

Не говорит Акканийди, откуда явилась, а просит:

- Возьмите меня в дочки. Пустите пожить в вашей человеческой веже.

Старуха была знающая, живо смекнула, какое тут диво. Говорит она:

- Возьмем тебя в дочки. Живи сколько хочешь.

Стала Акканийди жить, стала осматриваться. А стояла старикова вежа на плавучем острове посреди озера Свято, под кудрявой сосной. И не было на том острове ни души, кроме старика и старухи. Поняла Акканийди, почему отнес ее сюда отец Солнце - боялся он за нее. А здесь - хоть и люди есть, однако безлюдно. Только не того Акканийди хотела. Стала просить она старика и старуху:

- Отведите меня к людям! Говорит ей старуха:

- По людским законам ты еще маленькая: перевеське* еще не надела. Погоди, придет твое время.

Помогает Акканийди - Ясное Пятнышко старухе по хозяйству, старику чинить сети, ждет, когда придет ее время.

*** Перевеське - головной убор саамской девушки.**

А старуха смастерила перевеське, сшила девичий наряд. Посмотрела Акканийди на ее работу и сама где камешек цветной прилепила, где ягодку сухую, где жемчуг. До того стало красиво, никогда еще такой красоты старуха не видала.

Сплел старик венок из можжевельновых веток, обрядила старуха Ясное Пятнышко в девичий наряд, перевеське ей на голову возложила - стала девушкой Акканийди. Погляделась она в гладкую воду озера Свято, и весело ей стало! Запела она песню, закружилась в пляске. Смотрят

на нее старик и старуха - никогда они такого не видали, не слышали: не то птица поет, не то ветер стонет, и кружатся над землей листья. Радостно у них стало на сердце.

Сказал тогда старик:

- Пришло, доченька, твое время идти к людям. Пусть же откроются их глаза и уши на то, что несешь ты им, Акканийди! Пусть не оскудеет твое сердце и умягчатся сердца людские!

А старуха сказала Акканийди осторожное слово.

Ночью, когда все спали, потянул свежий ветер, напрянул сосновые ветки, и поплыл остров по озеру Свято на Север, к устью великой реки - Реки Отцов.

Наутро повел старик девушку Акканийди к людям. Взяла с собой Акканийди три маленьких замшевых кисы - мешочка. Сама она выделала для них замшу, сама сшила и набила сухими ягодами, разноцветными камешками и отборным жемчугом.

Пришли они в ближнее селенье, подняли полог над дверью вежи, видят: сидят вокруг очага женщины, мужчины и дети, едят китовое мясо. Жир стекает у них по пальцам, а лица и глаза блестят от сытости и довольства. В тот год даровало море тому племени сытость на долгое время - принесли волны морские к устью Реки Отцов ледяную гору, а в ней замерзшего кита. Люди вырубали из льда китовое мясо, и каждый ел сколько мог, до отвала.

Вошла Ясное Пятнышко в вежу - вскочили на ноги женщины, мужчины и дети. Такой девушки они никогда не видали. Женщинам захотелось приласкать ее, потереться щекою о щеку, мужчинам крепко прижать ее к сердцу, а детям - поиграть у нее на коленях. Все тянули к ней руки, трогали ее наряд, теребили косы, тащили к себе, отнимали друг у друга.

Тогда сказала Акканийди осторожное слово. И люди, хоть видели, что стоит она на том же месте, не могли ухватить Акканийди - руки их проходили сквозь нее, как сквозь воздух. Испугались женщины, оробели мужчины, заплакали дети. Но Акканийди рассмеялась, взяла за руку юную девушку, всем велела взять друг друга за руки и повела за собой на берег Реки Отцов. Там она запела песню и закружилась в пляске. Никогда саамы не видали и не слышали такого. Но глаза и уши у них раскрылись, и такая радость вошла в сердце, что они запели, вторя Акканийди, и стали кружиться вместе с нею.

А когда все устали и со смехом повалились на землю, Акканийди незаметно достала из маленьких кис горсточку жемчуга, камешков и ягод и подзвала к себе девушек и молодух. Она прижала ладошку к земле и спросила:

- Есть там что? Ей ответили:

- Чему там быть? Ничего нету!

- А вот и есть! - подняла Акканийди руку, а там узор - круги, колечко в колечко, месяц и звезды, ножки сорочки, гусиные лапки - все в жемчугах, все сияет на солнце.

- Это я сделала, - говорит Ясное Пятнышко. Потом смешала этот узор и велит: - А теперь вы сделайте!

Стараются девушки, стараются молодухи, раскладывают камешки, ягоды и жемчуг - а все не так красиво. Накроет Акканийди узор ладошкой, потом руку поднимет - и все видят: вот еловая веточка, рог оленя, солнце с лучами, волна морская. Все разноцветное, все сияет на солнце.

Стала раздавать Акканийди людям ягоды, камешки и жемчуг - сколько ни раздаст, все кисы ее полны. Стала учить она девушек и женщин разукрашивать узорами печки* да каньги**.

Приходят они к ней, показывают свою работу, а она дотронется рукой до узора - и становится он еще краше. Поцелует девушку в нос, потрется щекой о щеку и скажет:

- Другой раз сама сделай не хуже!

Надевают девушки разукрашенную одежду и бегут посмотреть в лужи - хорошо ли, красиво ль? Стараются друг перед дружкой. И суженым своим и мужьям стали расшивать печки да каньги, не велят им носить старую некрасивую одежду.

А девушка Акканийди ходит по домам и селеньям. Где тростинку срежет, дудочку смастерит и свистит то иволгой, то синицей. Где песенку споет, где сказку расскажет, где спляшет. И повсюду раскрывает свои кисы, дарит людям камешки, ягоды и жемчуг, учит составлять затейливые узоры.

Весело стало жить саамам, всегда у них в сердце радость. Одеты чисто, красиво. Сети ли чинят, в кереже*** ли едут,

* **Печок - длинная меховая рубаха.**

** **Каньги - легкие меховые полусапожки.**

*** **Кережа - санки в виде лодочки с одним полозом.**

пасут ли оленей - складывают песни, как учила Акканийди, - песню Солнца и Моря, песню Ледяной горы, принесшей кита, песню Счастливой охоты. А настанет вечер, соберутся все на поляне, ведут хоровод и пляшут.

Только старейшинам племени, жадным старикам и старухам, не пришлось по душе Акканийди. Не раскрылись глаза их для красоты узоров, не раскрылись уши для сказок и песен, и сердца не смягчились. Смотрели они только на жемчуг и требовали от Акканийди:

- Дай нам побольше!

Акканийди давала, а они снова свое тянут:

- Ма-ло! Еще дай!

Узнала Ясное Пятнышко, что не для радости, не для доброго дела просят они у нее жемчуг. Меняют его у женщин на пологи, печки и каньги, у мужчин - на оленьи шкуры, беличьи шкурки, мясо и рыбу.

Сидят они в своих вежах, жиреют от безделья - все им несут за тот жемчуг.

Сказала тогда Акканийди старейшинам и их старухам:

- Больше для вас жемчуга нету!

Обозлились старики, обозлились старухи, недобрым взглядом смотрят на Акканийди. Стали кричать:

- Что за песни, пляски да узоры! Никогда саами такого не знали! Когда же на охоту ходить, когда рыбачить, коли будут все наряжаться да смотреться в лужи? Убить надо Акканийди!

Но не могут они убить Акканийди, знает она бережное слово. Тогда пошли старейшины на болото, понесли телочку оленью, стали выкликать злую болотную старуху Оадзь из трясины, просить у нее подмоги.

- Возьми, - говорят, - болотная старуха, приношение, а нам за это скажи, как извести Акканийди.

Болотной старухе Оадзи давно стоит Акканийди поперек горла. Не стали саами слушать ее ночные лягушечьи песни, сами теперь поют да слушают песни Акканийди - на болото их не затащишь. Говорит Оадзь старейшинам:

- Вот возьмите замшелый камень, заманите Акканийди - Ясное Пятнышко в вежу да закройте дымник. Бросьте в нее тот камень, потеряет тогда силу ее бережное слово.

Схватили старейшины камень, побежали в селенье, а там Акканийди сидит в веже, показывает молодайкам, как пуговку из раковины сделать. В злобе своей забыли старики прикрыть дымник, вбежали в вежу, кинули в Акканийди камень. Стала она вдруг едва видной, вздохнула, песню запела и с дымом очага улетела в небо.

Не стало на земле Акканийди. А песни остались, остались и пляски, остались узоры. Помнят их люди, передают мать дочке, отец сыну, придумывают сами. И раскрываются у них глаза и уши, умягчаются сердца, приходит к ним радость. Смотрит на них Ясное Пятнышко с высокого неба и радуется вместе с ними. Говорит она отцу своему Солнцу:

- Видишь, отец, это я сделала. Я - Акканийди!

Все, что сказано здесь, верно, как путь Солнца по небу, как бег времени, как смена зимы и лета, дня и ночи. Еще в стародавние времена сложена про это песня.

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДЕЧКО И НАЛИВНОЕ ЯБЛОЧКО

Русская сказка

Жили- были крестьянин с женою. У них было три дочери, все три красавицы. Старшие две - ленивые да нарядные, все бы им сидеть да охорашиваться. А третья, младшая - Аленушка - работающая и скромная. Краше всех сестер была Аленушка. Обо всем заботится Аленушка: и избу приберет, и обед приготовит, и огород выполет, и воды принесет. С родителями она была ласкова, к людям приветлива. Любили ее отец с матерью больше всех дочерей. А от этого старших сестер зависть брала.

Раз уехали отец с матерью в поле. Подошла к дому бедная старушка и попросила хлеба. Старшие сестры с ней и говорить не захотели, а Аленушка вынесла старушке калач и проводила ее за ворота.

- Спасибо тебе, девица, - сказала старушка. - За доброту твою вот тебе совет: поедет твой батюшка на ярмарку, попроси его купить тебе для забавы

серебряное блюдечко да наливное яблочко. Будешь катать яблочко по блюдечку да приговаривать:

Катись, катись, яблочко,
По серебряному блюдечку,
Покажи ты мне на блюдечке
Города и поля,
И леса и моря,
И гор высоту,
И небес красоту.

А коль случится нужда у тебя, девица, - помогу тебе. Попомни: живу на краю леса дремучего, и идти до моей избушки ровно три дня и три ночи.

Сказала старушка эти слова и ушла в лес.

Много ли, мало ли времени прошло, собрался крестьянин на ярмарку.

Спрашивает он дочерей:

- Каких вам гостинцев купить? Одна дочь просит:

- Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан. Другая говорит:

- Купи мне ситцу узорчатого. А Аленушка просит:

- Дорогой мой свет-батюшка, купи мне серебряное блюдечко да наливное яблочко.

Обещал крестьянин дочерям исполнить их просьбу и уехал.

Вернулся он с ярмарки, привез дочерям гостинцы - одной ситцу узорчатого, другой кумачу на сарафан, а Аленушке - серебряное блюдечко да наливное яблочко. Старшие сестры радуются подаркам, а над Аленушкой смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком и наливным яблочком.

А та не ест яблочко, села в уголок, катает яблочко по блюдечку и приговаривает:

Катись, катись, яблочко,
По серебряному блюдечку,
Покажи ты мне на блюдечке
Города и поля,
И леса и моря,
И гор высоту,
И небес красоту.

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города видны, села на полях и корабли на морях, и гор высота, и небес красота, ясное солнышко со светлым месяцем кружатся, звезды в хоровод собираются; так все чудесно, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Загляделись сестры, взяла их зависть, захотели они выманить у Аленушки блюдечко с яблочком. Но Аленушка ничего взамен не берет.

Задумали тогда сестры отнять у нее блюдечко с яблочком обманом да силой. Похаживают, подговаривают:

- Душенька Аленушка! Пойдем в лес по ягоды, земляничку соберем.

Согласилась Аленушка, отдала блюдечко с яблочком отцу и пошла с сестрами в лес.

По лесу Аленушка бродит, ягоды собирает, а сестры все дальше ее ведут. Завели в чащу, напали на Аленушку, убили и под березой схоронили, а к отцу с матерью поздно вечером пришли и говорят:

- Аленушка от нас убежала и пропала. Мы весь лес обошли, так и не нашли: видно, ее волки съели.

Горько заплакали отец с матерью, а сестры просят у отца блюдечко и яблочко.

- Нет, - отвечает он им, - никому я не отдам блюдечко с яблочком. Пусть будут они мне на память об Аленушке, дочери моей любимой.

Положил яблочко с блюдечком в ларец и замкнул.

Прошло немало времени. Гнал на заре пастушок мимо леса стадо. Одна овечка отстала и зашла в лес. Пошел пастушок по лесу овечку отыскивать. Видит, стоит стройная белая березка, а под ней бугорок, а на нем вокруг цветы алые, лазоревые, а над цветами тростинка. Срезал пастушок тростинку, сделал дудочку, и, диво-дивное, чудо-чудное, дудочка сама поет, выговаривает:

Играй, играй, пастушок,
Играй потихоньку,
Играй полегоньку.
Меня, бедную, убили,
Под березку положили,
За серебряное блюдечко,
За наливное яблочко.

Пришел пастух в деревню, а дудочка все поет свою песенку. Люди слушают - диву даются, пастуха выпрашивают.

- Люди добрые, - говорит пастух, - ничего я не знаю. Искал я в лесу овечку и увидел бугорок, на бугорке цветы, над цветами тростинка, срезал я тростинку, сделал себе дудочку, а дудочка сама играет, выговаривает.

Случились тут отец и мать Аленушки, и услышали они слова пастушка. Схватила мать дудочку, а дудочка сама поет, выговаривает:

Играй, играй, родная маменька,
Играй потихоньку,
Играй полегоньку.
Меня, бедную, убили,
Под березку положили,
За серебряное блюдечко,
За наливное яблочко.

Сжалось сердце у отца и матери, как услышали они эти слова.

- Веди нас, пастух, - сказал отец, - туда, где срезал ты тростинку.

Пошли отец с матерью за пастухом в лес, и люди с ними пошли. Увидали под березкой бугорок с цветами алыми, лазоревыми. Начали разрывать бугорок и нашли убитую Аленушку. Узнали отец с матерью дочь свою любимую и заплакали слезами неутешными.

- Добрые люди, - спрашивают, - кто убил, загубил ее? Взял тут отец дудочку, а дудочка сама поет, выговаривает:

Играй, играй, свет-батюшка,
Играй потихоньку,
Играй полегоньку.
Меня сестры в лес зазвали,
Меня, бедную, убили,
Под березку положили,
За серебряное блюдечко,
За наливное яблочко.
Ты пойдя, пойдя, свет-батюшка,
На край леса дремучего,
Там стоит изба тесовая,
В ней живет старушка добрая,
Даст живой воды она в скляночке,
Чуть обрызнешь меня той водицею,
Пробужусь-очнусь от сна тяжкого,
От сна тяжкого, от сна смертного.

Пошли тогда отец с матерью на край леса дремучего. Шли они ровно три дня и три ночи и дошли до лесной избышки. Вышла на крыльцо древняя старушка. Попросили у нее отец с матерью живой воды.

- Помогу я Аленушке, - отвечает старушка, - за ее сердце доброе.

Дала она им склянку с живой водой и говорит:

- Всыпьте в склянку горсть родимой земли, без того вода силы иметь не будет.

Земным поклоном поблагодарили отец с матерью старушку и пошли в обратный путь. Пришли в деревню, высыпали, как велела старушка, горсть родимой земли в склянку с живой водой, взяли с собой сестер-лиходеек и в лес пошли. И люди пошли с ними.

Пришли в лес. Спрыснул отец дочку живой водой - ожила Аленушка. А сестры-лиходейки испугались, белее полотна стали и признались во всем. Схватили их люди, связали и привезли в деревню.

Тут собрался народ. И порешили наказать сестер-лиходеек карою страшною - прогнать их с родимой земли. Так и сделали.

А Аленушка вновь стала жить с отцом, с матерью, и любили они ее пуще прежнего.

ЧОНГУРИСТ

Грузинская сказка

Жил на свете царь. Была у него дочь прекраснее солнца. Многие мечтали о красивой царевне. Много славных и знатных юношей просили ее руки, но царь всем отказывал.

Принеси сначала яблоко бессмертия, - говорил царь каждому, - и докажи, что достоин царевны!

Много отважных героев отправлялись искать волшебное дерево, а назад не вернулся ни один.

Поблизости от дворца жил бедный юноша. Славился он своими песнями и игрой на чонгури*. Юноша полюбил прекрасную царевну, дни и ночи мечтал о ней и однажды решил попытаться счастья. Пришел к царю и попросил отдать ему царевну в жены.

*** Чонгури - народный музыкальный инструмент Грузии.**

Не прогнал царь бедного чонгуриста, сказал ему, как всем говорил:

- Добудешь мне яблоко бессмертия - получишь царевну в жены.

Взял чонгурист свой чонгури и пустился в дорогу искать яблоко бессмертия. Много ли шел, мало ли шел, за девять гор перешел и видит: раскинулся на склонах холма сад. Ограда вокруг сада каменная, высокая-превысокая, даже птица не перелетит! Чонгурист обошел сад - с утра до вечера шел! - нет в сад входа. Обошел он второй раз, обошел в третий. Идет юноша, играет на своем чонгури и поет нежную песню. Замер сад, перестали шелестеть листьями деревья. Слушают песню горы и доли. Птицы, парившие в небе, опустились на деревья послушать песню чонгуриста. И вдруг раздвинулась каменная ограда, и открылась перед чонгуристом дорога в сад.

Это был тот самый сад, где росла яблоня с плодами бессмертия. Страшный гвелвешапи* сторожил волшебную яблоню. Почует чудище человека, впустит в сад и отправит несчастного в свою огненную утробу.

И сейчас почуял гвелвешапи человека и раздвинул каменную ограду. Идет чонгурист по саду, поет свою грустную песню. Раскрыл гвелвешапи огромную пасть, понесся на человека с хриплым ревом... и замер. Поразили его никогда не слыханные звуки чонгури. Утишила нежная песня ярость злобного чудища.

А чонгурист все идет, и звучат сладостные звуки его песни.

Из глаз гвелвешапи потекли слезы, неведомая печаль охватила его. И вдруг оборвались струны чонгури. Умолк юноша. Остановился он перед гвелвешапи, ожидает своей участи.

А гвелвешапи сорвал яблоко и подал юноше:

- Бери яблоко, не бойся, ты заслужил его. Никогда еще со мной не говорили языком песни. Возьми это яблоко бессмертия, хотя и без того бессмертен человек, способный создавать такие прекрасные песни.

*** Гвелвешапи - в грузинских народных сказках чудовище с огненной пастью.**

Софья Могилевская СКАЗКА О ГРОМКОМ БАРАБАНЕ

Барабан висел на стене между окнами, как раз напротив кровати, где спал мальчик.

Это был старый военный барабан, сильно потертый с боков, но еще крепкий. Кожа на нем была туго натянута, а палочек не было. И барабан всегда молчал, никто не слышал его голоса.

Однажды вечером, когда мальчик лег спать, в комнату вошли дедушка и бабушка. В руках они несли круглый сверток в коричневой бумаге.

- Спит, - сказала бабушка.

- Ну, куда нам его повесить? - сказал дедушка, показывая на сверток.

- Над кроватью, над его кроватью, - зашептала бабушка.

Но дедушка посмотрел на старый военный барабан и сказал:

- Нет. Мы повесим его над барабаном нашего Ларика. Это хорошее место.

Они развернули сверток. И что же? В нем оказался новый желтый барабанчик с двумя деревянными палочками.

Дедушка повесил его над большим барабаном, они полюбовались им, а потом ушли из комнаты...

И тут мальчик открыл глаза.

Он открыл глаза и засмеялся, потому что вовсе не спал, а притворялся.

Он спрыгнул с кровати, босиком побежал туда, где висел новый желтый барабанчик, придвинул стул поближе к стене, вскарабкался на него и взял в руки барабанные палочки.

Сначала он тихонько ударил по барабанчику лишь одной палочкой. И барабанчик весело откликнулся: трам-там!

Тогда он ударил и второй палочкой. Барабанчик ответил еще веселее: трам-там-там!

Что за славный был барабан!

И вдруг мальчик поднял глаза на большой военный барабан. Раньше, когда у него не было этих крепких деревянных палочек, он даже со стула не мог дотронуться до большого барабана. А теперь?

Мальчик встал на цыпочки, потянулся вверх и крепко ударил палочкой по большому барабану. И барабан прогудел ему в ответ тихо и печально...

Это было очень-очень давно. Тогда бабушка была еще маленькой девочкой с толстыми косичками.

И был у бабушки брат Его звали Ларик. Это был веселый, красивый и смелый мальчик. Он лучше всех играл в городки, быстрее всех бегал на коньках, и учился он тоже лучше всех.

Ранней весной рабочие того города, где жил Ларик, стали собирать отряд, чтобы идти бороться за Советскую власть.

Ларику тогда было тринадцать лет.

Он пошел к командиру отряда и сказал ему:

- Запишите меня в отряд. Я тоже пойду драться с белыми.

- А сколько тебе лет? - спросил командир.

- Пятнадцать! - не сморгнув, ответил Ларик.

- Будто? - спросил командир. И повторил снова:

- Будто?

- Да, - ответил Ларик.

Но командир покачал головой:

- Нет, нельзя, ты слишком молод...

И Ларик должен был уйти ни с чем. И вдруг возле окна на стуле он увидел новый военный барабан. Барабан был красивый, с блестящим медным ободком, с туго натянутой кожей. Две деревянные палочки лежали рядом.

Ларик остановился, посмотрел на барабан и сказал:

- Я могу играть на барабане...

- Неужели? - обрадовался командир. - А попробуй-ка! Ларик перекинул барабанные ремни через плечо, взял

в руки палочки и ударил одной из них по тугому верху. Палочка отскочила, будто пружинная, а барабан ответил веселым баском:

- Бум!

Ларик ударил другой палочкой.

- Бум! - снова ответил барабан.

И уж тогда Ларик стал барабанить двумя палочками.

Ух, как они заплясали у него в руках! Они просто не знали удержу, они просто не могли остановиться. Они отбивали такую дробь, что хотелось встать, выпрямиться и шагать вперед!

Раз- два! Раз-два! Раз-два!

И Ларик остался в отряде.

На следующее утро отряд уезжал из города. Когда поезд тронулся, из открытых дверей теплушки раздалась веселая песенка Ларика:

Бам- бара-бам-бам, Бам-бам-бам! Впереди всех барабан, Командир и барабанщик.

Ларик и барабан стали товарищами. По утрам они просыпались раньше всех.

- Здорово, приятель! - говорил Ларик своему барабану и легонько шлепал его ладонью.

"Здорово!" - гудел в ответ барабан. И они принимались за работу.

В отряде не было даже горна. Ларик с барабаном были единственными музыкантами. По утрам они играли побудку:

Бам- бара-бам, Бам-бам-бам! С добрым утром, Бам-бара-бам!

Это была славная утренняя песня!

Когда отряд шел походным маршем, у них была припасена другая песня. Руки Ларика никогда не уставали, и голос барабана не умолкал всю дорогу. Бойцам было легче шагать по топким осенним дорогам. Подпевая своему барабанщику, они шли от привала к привалу, от привала к привалу...

И вечером на привалах барабану тоже находилась ра-58 бота. Только ему одному, конечно, справиться было трудно.

Он только начинал:

Эх! Бам- бара-бам, Бам-бара-бам! Веселей всех Барабан!

Сразу же подхватывали деревянные ложки:

И мы тоже ловко бьем,

Бим- бири-бом,

Бим- бири-бом!

Потом вступали четыре гребешка:

Не отстанем мы от вас, Бимс-бамс, бимс-бамс!

И уже последними начинали губные гармошки.

Вот это было веселье! Такой замечательный оркестр можно было слушать хоть всю ночь.

Но была у барабана и Ларика еще одна песня. И эта песня была самая громкая и самая нужная. Где бы ни были бойцы, они сразу узнавали голос своего барабана из тысячи других барабанных голосов. Да, если нужно было, Ларик умел бить тревогу...

Прошла зима. Снова наступила весна. Ларику шел уже пятнадцатый год.

Красногвардейский отряд снова вернулся в тот город, где вырос Ларик. Красногвардейцы шли разведчиками впереди большой, сильной армии, и враг убегал, прячась, скрываясь, нанося удары из-за угла.

Отряд подошел к городу поздно вечером. Было темно, и командир приказал остановиться на ночлег возле леса, недалеко от полотна железной дороги.

- Целый год я не видел отца, матери и младшей сестренки, - сказал Ларик командиру. - Я даже не знаю, живы ли они. Можно их навестить? Они живут за тем леском...

- Что ж, иди, - сказал командир. И Ларик пошел.

Он шел и чуть слышно насвистывал. Под ногами в мелких весенних лужицах булькала вода. Было светло от луны. За спиной у Ларика висел его боевой товарищ - военный барабан.

Узнают ли его дома? Нет, младшая сестренка, конечно, не узнает. Он нащупал в кармане два розовых пряника. Этот гостинец он давно припас для нее...

Он подошел к опушке. Как здесь было хорошо! Лес стоял тихий-тихий, весь посеребренный лунным светом.

Ларик остановился. От высокой ели падала тень. Ларик стоял, укрытый этой черной тенью.

Вдруг тихо щелкнула сухая ветка.

Одна справа. Другая слева. За спиной...

На опушку вышли люди. Их было много. Они шли длинной цепью. Винтовки наперевес. Двое остановились почти рядом с Лариком. На плечах - белогвардейские погоны. Один офицер сказал второму очень тихо:

- Часть солдат идет со стороны леса. Другая - вдоль железнодорожной линии. Остальные заходят с тыла.

- Мы замкнем их в кольцо и уничтожим, - сказал второй.

И, крадучись, они прошли мимо. Это были враги.

Ларик глубоко вздохнул. Он стоял в тени. Его не заметили.

Ларик потер ладонью горячий лоб. Все понятно. Значит, часть солдат идет из леса. Другие заходят с тыла. Часть - вдоль полотна железной дороги...

Белые хотят замкнуть их отряд в кольцо и уничтожить.

Нужно бежать туда, к своим, к красным. Нужно предупредить, и как можно скорее.

Но разве он успеет? Они могут опередить его. Они могут поймать его по дороге...

Нет! Сделать нужно по-другому.

И Ларик быстро повернул к себе свой боевой барабан, вынул из-за ремня деревянные палочки и, широко взмахнув руками, ударил по барабану.

Тревога!

Это прозвучало, как выстрел, как тысяча коротких ружейных залпов...

Тревога!

Весь лес откликнулся, загудел, забарабанил громким эхом, будто возле каждого дерева стоял маленький смелый барабанщик и бил в боевой барабан.

Ларик стоял под елью и видел, как к нему со всех сторон устремились враги. Но он не двинулся с места. Он только колотил, колотил, колотил в барабан. Это была их последняя песня - песня боевой тревоги.

И только когда что-то ударило Ларика в висок и он упал, барабанные палочки сами выпали у него из рук...

Ларик уже не мог видеть, как навстречу врагу с винтовками наперевес устремились красные бойцы и как побежденный враг бежал и со стороны леса, и со стороны города, и оттуда, где блестели тонкие линии железнодорожного полотна.

Утром в лесу снова стало тихо. Деревья, стряхивая капли влаги, поднимали к солнцу прозрачные верхушки, и лишь у старой ели широкие ветви лежали совсем на земле.

Бойцы принесли Ларика домой. Глаза его были закрыты.

Барабан был с ним. Только палочки остались в лесу, там, где они выпали у Ларика из рук.

И барабан повесили на стену.

Он прогудел последний раз - громко и печально, будто прощаясь со своим славным боевым товарищем.

Вот что рассказал мальчику старый боевой барабан.

Мальчик тихонько слез со стула и на цыпочках вернулся в постель.

Он долго лежал с открытыми глазами, и ему казалось, будто он идет по широкой красивой улице и крепко колотит в свой новый желтый барабанчик. Голос у барабанчика громкий, смелый, и они вместе поют любимую песенку Ларика:

Бам- бара-бам, Бам-бара-бам! Впереди всех барабан, Командир и барабанщик!

Джанни Родари ВОЙНА КОЛОКОЛОВ

Разразилась однажды война, страшная война не на жизнь, а на смерть. Солдат полегло видимо-невидимо и с той и с другой стороны. Мы стояли здесь, а наши враги - напротив. День и ночь палили мы друг в друга. А война все идет и идет, и конца ей нет. И вот пришло такое время, что не стало у нас ни бронзы на пушки, ни стали на штыки.

Приказал наш главнокомандующий наповал-полковник Бомбасто Пальбасто Вдребезги-и-Баста снять все колокола с колоколен, разом их расп-

лавить и отлить громадную пушку - одну-единственную, но такую большую, чтобы можно было с одного выстрела выиграть войну.

Сто тысяч подъемных кранов поднимали эту пушку. Восемьдесят семь железнодорожных составов везли ее на фронт. Наповал-полковник потирал от радости руки и говорил:

- Вот посмотрите: стоит моей пушке выстрелить - и враги от страха удерут на Луну!

Наконец великая минута наступила. Пушицу навели на врагов, а мы все заткнули уши ватой. Ведь от адского грохота могли, чего доброго, лопнуть барабанные перепонки, а не ровен час и евстахиева труба.

Наповал - полковник Бомбасто Пальбасто Вдребезги-и-Баста приказал:

- Огонь!

Надавил бомбардир на стрелятель - и вдруг:

- Динь! Дан! Дон!

Покатился по всему фронту, загудел-зазвенел из конца в конец невиданный колокольный звон.

Тут мы вату долой, уши наострили, слушаем. Громыкает пушиша, словно гром:

- Динь! Дан! Дон!

А в горах и долах вторит ей, гудит на все голоса сто тысяч и одно эхо:

- Динь-динь! Дан-дан! Дон-дон! Дон!

Закричал наповал-полковник Бомбасто Пальбасто Вдребезги-и-Баста во второй раз:

- Огонь! Огонь, черт возьми!

Снова надавил бомбардир на стрелятель.

И опять полетел-поплыл из окопа в окоп праздничный перезвон. Будто не пушка гремит, а звенят-заливаются все колокольни нашей земли.

Тут Наповал-Полковник от злости принялся рвать на себе волосы. Рвал, рвал, пока не остался у него на голове один-единственный волосок.

Тем временем смолкло все и стало тихо. Но вот с другой стороны, из-за окопов наших врагов, будто зов призывный, грянул вдруг оглушительный и веселый звон:

- Динь! Дан! Дон!

Надо вам сказать, что вражеский главнокомандующий обербей-всех-мейстер фон Бомбах Пальбах Раздробил-вас-в-прах тоже придумал перелить все колокола своей страны в одну небывалую пушку.

И началось!...

- Динь! Дан! - гудела наша пушка.

- Дон! - отзывалась вражеская.

Солдаты выскочили из окопов и побежали друг другу навстречу. Бегут, а сами приплясывают.

- Мир! Мир! - кричат. - Колокола! Слышите? Колокола! Праздник настал! Колокола звонят - знак подают! Мир!

Наповал- полковник и обер-бей-всех-мейстер прыгнули в свои автомобили -и наутек! Далеко уехали, дальше и некуда, а звон все слышен. Видно, не осталось на всей земле, ни на суше, ни в океане, такого уголка, куда бы не достал голос тех колоколов.

Перевел с итальянского А. Короткое

Бланка Лидия Трехо (Мексика) МАРИМБА

Давным- давно это было...

В стране, которая называется Мексикой, жили индейцы - мудрый и смелый народ. Но вот однажды на землю их отцов и дедов пришли белые люди. Они оказались сильнее и, победив индейцев, заставили их работать на себя.

Как- то раз несколько индейцев-дровосеков сговорились со своими друзьями неграми, которых белые господа привезли из далекой Африки, убежать от хозяев и спрятаться в дремучем лесу. А надо сказать, что трава и кустарники в мексиканском лесу - сельве - такие высокие и деревья так близко стоят друг к другу, переплетаясь ветвями, что человеку с трудом удастся проникнуть в густые заросли.

Но индейцы и негры отыскали в сельве полянку. Из ветвей и листьев пальмы они построили несколько хижин и поселились в них. По ночам, чтобы не замерзнуть, они разводили яркий костер и, усевшись вокруг него, принимались беседовать о своих делах и петь грустные-прегрустные песни.

Ты спросишь, почему эти песни были невеселыми? Да потому, что когда у людей отнимают землю и свободу, им очень горько жить на свете.

Цветы у них под ногами, и солнце над головой, деревья, которые протягивали к солнцу свои ветви, и ветер, гулявший меж ветвей, - все жалели бедных людей, одиноко живших в сельве. Всем хотелось хоть чем-нибудь порадовать их. И вот что случилось однажды...

Послушайте!

Только что встало солнце, окрасив в розовый цвет вершины гор, а молодой индеец по имени Перо Кетцаля* уже забрался в самую чащу сельвы, чтобы нарвать плодов кактуса. Так далеко не заходил он еще ни разу.

И вдруг Перо Кетцаля остановился в изумлении. Ему почудилось, будто он слышит чьи-то голоса.

Вначале он подумал, что это ветер о чем-то шепчется с зелеными верхушками деревьев. Каково же было его удивление, когда он понял, что говорили между собою два дерева.

- Друг мой, - сказал, обращаясь к дубу, стройный молодой кедр. - Я выше тебя ростом, а потому и вижу дальше. И вот вчера я увидел такое, отчего мне стало очень грустно.

- Расскажи мне, милый кедр, - откликнулся дуб, и в голосе его прозвучали тревога и любопытство, - что разглядел ты вдалеке?

- Узнай же, - промолвил кедр, - что незадолго перед тем, как село солнце, я заметил несколько индейцев у дороги. Весь день они работали, не раз-

гибая спины, и теперь, измученные, молча отдыхали. Печально глядели индейцы куда-то вдаль, словно ждали, что оттуда придет к ним свобода.

Дуб покачал ветвями и спросил:

- Неужели на свете нет никого, кто бы помог индейцам отвоевать свободу?

- Есть такой человек - имя его Бартоломе де лас Касас, - вмешался в их разговор земляной орех, и все невольно заслушались его красивым низким голосом. - Правда, он пришел в нашу Мексику вместе с завоевателями, но полюбил индейцев и стал их первым другом и защитником. Однако сейчас Бартоломе за морем, очень далеко отсюда...

И тут заговорил цветущий миндаль:

- А почему бы нам не помочь индейцам? Взять хоть меня: с незапамятных времен я отдаю им самое лучшее из того, что имею - мои орехи, и, кажется, они приходятся людям по вкусу.

*** Кетцаль - птица с красивым оперением. В неволе она умирает. В Мексике эта птица считается символом свободы.**

- Да и я не отстаю от тебя, - заметило могучее манговое дерево. - Кто не любит моих сочных и сладких плодов!

Горделивому лавру тоже захотелось вставить словцо:

- Мои ветви вечно юные, а листья круглый год зеленые. И люди плетут венки из веток лавра, чтобы украшать ими тех, кто вернется с войны победителем.

- погоди! - перебила его олива. - Мне кажется, ты напрасно хвастаешь: вот если бы люди совсем позабыли про войны, куда бы лучше было! И уж если кому и стоит гордиться, так это мне: оливковая ветвь всегда была эмблемой мира...

Но оливу прервала старая густолистная сейба, которая прожила на свете целую тысячу лет. Неудивительно, что ее глухой и раскатистый голос напоминал рокотание грома.

- Перестаньте спорить! - воскликнула сейба. - Все мы для того и растем, чтобы человек не знал нужды и горя. Мы дарим ему свои плоды, и из деревьев он строит себе жилище. А где, как не у костра, сложенного из поленьев и сучьев, согревается человек? Однако речь теперь о другом... Как бы придумать такое, чтобы жизнь наших индейцев стала легче и радостней?

Грубый, неотесанный гуарумо недовольно прошамкал в ответ:

- Стану я морочить себе голову, размышляя, чем бы порадовать человека. От него все равно не дождешься благодарности... Люди рубят нас без всякой жалости, не зная, что и нам бывает очень больно!

- Легко совершать добрые поступки, ожидая за них только награду. Немногого стоит такая доброта! - взглянув на гуарумо, сердито рассмеялось сандаловое дерево, самое стройное и красивое в сельве. - А я вот с радостью послужу индейцам только за то, что нет на свете племени более мудрого и прекрасного! - И с этими словами оно повернуло свои ветви навстречу золотому солнечному дождю, который пробивался сквозь зеленую кущу.

Вот какой разговор подслушал Перо Кетцаля в лесу. Притаившись, он ждал, что будет дальше. Деревья продолжали спорить, один ормигильо молчал, задумавшись о чем-то. Но наконец и он вмешался в беседу лесных братьев. Голос у него был робкий, потому что ормигильо не привык обращаться к стольким слушателям сразу. По правде говоря, он впервые выступал на лесном собрании.

- Друзья, - сказал ормигильо, - я согласен со старой сейбой и нашим милым сандалом. Их слова взволновали меня до глубины души. И вот я решил раскрыть вам одну тайну. С некоторых пор я собираю под моей корою музыку, которая разлита в природе. Жаль, что прежде эти чудесные мелодии, отзвучав, пропадали навсегда. Зато теперь я бережно храню и щебет птиц, и посвист ветра в зарослях тростника, и шум седого от пены водопада, который, срываясь с вышины, исчезает между скалами. Здесь, - и ормигильо коснулся веткой своего дуплистого ствола, - спрятаны все звуки - от воркованья лесного голубя до яростного рева бури.

Кокосовая пальма, которая была очень занята, так как поила водой свои орехи, не удержалась и спросила ормигильо:

- А можно узнать, зачем тебе вся эта музыка? Вот уж не представляю, что ты будешь с ней делать...

Ормигильо с грустью взглянул на недогадливую пальму и ответил:

- Сестричка, ты только о том и думаешь, как бы не засохли без воды твои орехи. Ведь только спелые и сочные они нравятся человеку. Но тебе и в голову не приходит, что утолить голод - это еще не все. Люди только тогда чувствуют себя счастливыми, когда на душе у них светло и радостно. И я мечтаю дать им эту радость! Они найдут ее в моем стволе, где так много музыки, где скрыта вечная песня леса...

Тут ормигильо взмахнул своими ветвями, и тотчас зазвучала мелодия, такая красивая, что шепот восторга и изумления пронесся по кустам и деревьям. Казалось, в сельве играет невидимый оркестр... А ормигильо, радуясь тому впечатлению, которое он произвел, исполнял одну мелодию за другой. И все они уплывали вдаль, то нежные и прекрасные, то полные печали...

Но вот ормигильо смолк, а индеец по имени Перо Кетцаля, который притаился за деревьями, все еще не мог прийти в себя от восхищения. Он долго стоял не двигаясь, позабыв про плоды кактуса, за которыми пришел в сельву.

Наконец он очнулся и стал выбираться из чащи. На сердце у него было легко и радостно...

Перо Кетцаля ступал по ковру из пестрых душистых лепестков: это деревья благодарили ормигильо за его удивительную музыку и, кланяясь ему, роняли на землю цветы. А скромный ормигильо смущенно принимал их похвалы и поздравления...

Наступила ночь, когда, задыхаясь от быстрой ходьбы, пришел Перо Кетцаля домой, где в тревоге ожидали его родные и друзья. Они уже думали, что юношу растерзали дикие звери, которых так много водится в сельве.

Не дожидаясь расспросов, Перо Кетцаля сам стал рассказывать про то, что с ним произошло. При этом глаза у него сверкали, а голос прерывался от усталости и волнения. Слушая юношу, индейцы смотрели на него сокрушенно и недоверчиво. А когда Перо Кетцаля потребовал, чтобы они тотчас отправились вместе с ним на то место, где он услышал эту чудесную музыку, и тоже насладились ею, все подумали, что юноша сошел с ума.

Сколько трудов стоило им удержать его дома! Индейцы обещали ему, что на следующий день все вместе пойдут в сельву. Теперь они уже не сомневались, что Перо Кетцаля лишился рассудка.

Едва забрезжил рассвет и не успело показаться из-за деревьев круглолицее солнце, как Перо Кетцаля был уже на ногах. Даже не позавтракав, он стрелой помчался в сельву. Но увы! Ожидания его оказались напрасными. На том месте, где он прятался вчера, не слышно было волшебной музыки. Тишина царила в сельве. А ормигильо стоял глубоко задумавшись о чем-то, словно это вовсе не он исполнял накануне нежные мелодии и песни.

С поникшей головой, расстроенный до слез, будто здесь, в кустах ежевики, потерял он свое сердце, бродил Перо Кетцаля взад и вперед по тропинке, которая вела к волшебному дереву. Тут в час, когда уже спустились сумерки, и нашли юношу его друзья. Он сидел, опершись локтем о колено и устремив нахмуренный взгляд куда-то вдаль, словно пытался разгадать тайну леса. Время от времени он прикивал ухом к твердой коре ормигильо, и тогда ему казалось, будто он слышит музыку, такую красивую и печальную, что на глаза юноши набегали непрошенные слезы.

Индейцы, которые решили спасти Перо Кетцаля от колдовских чар, притаившись, следили за каждым его движением. Наконец, измученный, он уснул. И тогда его друзья бросились к чудесному дереву с остро отточенными топорами. В ярости напали они на ормигильо, нанося ему удар за ударом. Они решили убить это дерево, которое - так сказал самый старый из индейцев - отняло разум у Перо Кетцаля.

Топоры вонзались в толщу дерева, и к изумлению людей при каждом ударе слышались звонкие жалобные трели, словно где-то поблизости играли на неизвестном музыкальном инструменте. Поняв, что звуки, похожие на плач, льются из раненого ствола, индейцы очень испугались и хотели было бежать, как вдруг проснулся Перо Кетцаля. Увидев, что стало с его деревом, он бросился к нему и обвил руками толстый ствол.

И тут - о чудо из чудес! - он услышал, как ормигильо тихонько прошептал:

- Срубите же меня, срубите поскорее! И возьмите мой ствол, в котором так много музыки!

Тогда Перо Кетцаля стал торопить индейцев:

- Вы нанесли ормигильо смертельные раны, - сказал он, - так довершите же дело, которое начали, и избавьте бедное дерево от ненужных страданий!

Индейцы послушали юношу и, повалив ормигилью на землю, разрубили его на части. Бережно подобрав куски волшебного дерева, они отнесли их к своим хижинам.

А на следующий день Перо Кетцаля вырезал из этих кусков дощечки. Когда же он ударил по дощечкам палочками, то послышались звуки - нежные, грустные и прекрасные.

Индейцы окружили Перо Кетцаля: всем хотелось послушать, как он играет на своих дощечках. Теперь уж никто не считал его сумасшедшим, наоборот, все смотрели на Перо Кетцаля с уважением и наперебой угощали самыми вкусными фруктами.

С того дня юношу преследовала мысль: как добиться того, чтобы звук у дощечек стал ясным и чистым? И вот однажды Перо Кетцаля собрал всех своих друзей и показал им простой по виду инструмент: несколько дощечек, соединенных между собой, под которыми висели раскрашенные бутылочки из тыквы и кокосового ореха.

И, хотя устройство инструмента было нехитрое, как только юноша начинал играть на нем, лились песни, напоминающие пение птиц, живущих в сельве.

Рассказывают, что негры, которые прятались вместе с индейцами в дремучей сельве, назвали этот инструмент "маримба" - в память о своей далекой родине Африке, где маримбой называют барабан.

Очень обрадовались рождению маримбы индейцы и негры. Пускай враги победили их, лишив богатства и власти, у побежденных осталась маримба. Она плакала вместе с ними и пела им про свободу и родную землю, на которой шумят кофейные деревья в цвету...

И нам с тобой поет маримба, в которой скрыта волшебная сила. Когда ты слушаешь ее, то словно живые встают перед тобой индейцы. Под печальные вздохи маримбы они рассказывают, каким могучим и прекрасным был некогда их народ.

Перевели с испанского и обработали В. Кедрова и И. Череватова

Люцина Легут МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИН

В одном городе (в каком, этого я вам не скажу, все равно вы его нигде не найдете) были улицы с удивительными названиями. Была там, например, одна улица Канареечная, а другая Миндальная. И еще была улица Клетчатая и даже улица Полевой мыши. Но тот случай, о котором я сейчас расскажу, произошел вовсе не на этих улицах, а на улице Заколдованной розы!

Итак, на улице Заколдованной розы был небольшой магазин. Если взглянуть на витрину этого магазина, станет ясно: магазин не простой, а музыкальный. В какой другой витрине могли вы увидеть гитару, флейту и балалайку?

А владельцами магазинчика были два сверчка. Одного звали пан Теофас, другого - пан Боло. Пан Теофас носил костюм коричневого цвета, а у

пана Боло была розовая жилетка в мелких цветочках. В общем, это были два очень милых и умных сверчка. Слушайте дальше.

Вот на улице Заколдованной розы наступило утро. Петух пропел восьмой час, и пан Теофас проснулся.

- Ого, - сказал он, - кажется уже утро?

- Да, - сказал пан Боло и пошел открывать магазинчик. Затем они выпили кофе. Хотя это были всего лишь

сверчки, но пить кофе по утрам они любили! Итак, они выпили кофе и отправились в магазин продавать музыкальные инструменты.

Между тем на улице Заколдованной розы началось движение: громкая, проезжали брички и телеги, мчались автобусы, кричали продавцы газет, молочник вез молоко, пекарь разносил хлеб, а зеленщик - зелень.

Петух собрался было пропеть девять часов, когда возле музыкального магазина появилась первая покупательница. Это была Муха, а с нею двое сыновей. Поглядев на инструменты, выставленные в витрине, Муха заявила:

- Нам сюда! - и протолкнув в дверь своих детей, следом вошла и сама.

- Добрый день! - поздоровались с Мухой оба сверчка и вопросительно на нее посмотрели.

Нужно прямо сказать, что Муха была прескверно воспитана. Не ответив на приветствие, она тут же объявила, что у нее необыкновенные дети, гениальные дети, чудесные дети...

- Вот этого зовут Бубчо! А этого - Бобо! И нам нужен музыкальный инструмент приятного тона, чтобы он не издавал грубых и резких звуков.

- Гм... - подумав, сказал пан Теофас. - Такой инструмент у нас как будто имеется.

- М-да... - прибавил пан Боло. - И возможно - это скрипка!

Тут он достал с полки одну из скрипок и заиграл на ней. И так заиграл, что все заслушались!

- О скрипке я и думала. Приходите сегодня на концерт, который дадут мои гениальные дети. Сегодня, в три часа! Ровно в три часа!

С этими словами она выхватила из рук пана Боло скрипку и удалилась из магазина, сперва протолкнув в дверь своих сыновей.

- Гм... - сказал пан Теофас, провожая Муху глазами. - Она, вероятно, думает, что на скрипке можно заиграть сразу?

- М-да, - прибавил пан Боло. - Это грубая ошибка. Они будут жестоко наказаны.

Но жестоко наказаны были оба сверчка. Впрочем, об этом дальше.

А сторож уже приклеивал на стенах домов большую афишу. Хотите знать, что было на ней? Вот что:

"БУБЧО И БОБО - ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ, СЕГОДНЯ НА СКРИПКЕ КОНЦЕРТ ДАЮТ. СПЕШИТЕ, СПЕШИТЕ КУПИТЬ БИЛЕТЫ! ВАС РОВНО В ТРИ МУЗЫКАНТЫ ЖДУТ!"

И что же вы думаете? К трем часам собрались все любители музыки. И точно в три концерт начался.

- Смелее, дорогой! - сказала Муха одному из сыновей.

- Не робей, дружок! - одобрила она другого. - Помоги брату.

Тут Бобо схватил смычок за один конец, Бубчо - за другой, и дело пошло! Уж они пилили-пилили по струнам - взад и вперед, взад и вперед... Точь-в-точь как это бывает, когда пилят дрова большой и острой пилой.

- Ой! - вскричал пан Теофас, издали услышав эти звуки. И тут же крепче заткнул себе уши.

- Что-то невыносимое! - прибавил пан Боло, сделав то же самое.

А каково было слушателям этого концерта? Они, конечно, тотчас разбежались.

Рассерженная Муха, схватив несчастную скрипку, смычок и обоих сыновей, помчалась в музыкальный магазин. Она так хлопнула дверью, что весь дом затрясся.

- Разве это скрипка? - крикнула она с порога. - На ней играть невозможно...

- Нужно сначала учиться, - робко промолвил пан Теофас.

- И немало учиться, - прибавил пан Боло.

- Учиться?! Моим необыкновенным детям этого не надо. Лишь бы инструмент был подходящим!

На этот раз пан Теофас предложил трубу и так на ней заиграл, что можно было заслушаться.

- Именно это мне и нужно! Берем трубу! - сказала Муха и вылетела из музыкального магазина.

И дети за ней следом.

Тем временем наступила темнота. Но бедным сверчкам было не до нее. Они понимали, что от надоедливой Мухи нет спасения. Пан Теофас лежал с головной болью. Пан Боло то и дело менял ему холодные компрессы.

- Как нам быть? - спрашивал Теофас слабым голосом.

- Не знаю, - уныло отвечал ему Боло.

Потом пан Теофас уснул, но пан Боло спать не мог. Ему мерещилось, что он со всех сторон окружен мухами. Их две, три, четыре... семнадцать... двадцать пять... девяносто. И все они с трубами. И все трубят. И все сердятся.

Бедный пан Боло до утра не смыкал глаз.

А утром снова явилась Муха.

- Нет, - заявила она им, - труба не годится. Бобо и Бубчо не могут на ней играть.

И пришлось пану Боло восемь часов подряд выбирать одной-единственной Мухе один-единственный инструмент.

- Нет, - говорила Муха, когда пан Боло предлагал ей флейту. И виолончель была ей не по вкусу. И гитара ей не нравилась. А рояль казался слишком громоздким.

Гремучая змея явилась из джунглей за трещотками. Но оба сверчка - и пан Боло и пан Теофас - заняты были только Мухой, одной Мухой и больше никем. И, рассердившись, змея ушла ни с чем.

Рассердилась и Черепаха, которая хотела купить себе гребешок, чтобы играть на нем. И Летучая мышь, которой нужна была маленькая свистулька, тоже ни с чем улетела из музыкального магазина.

К вечеру Муха наконец выбрала губную гармошку.

- Вот это инструмент! Вот это подходит для моих детей! Завтра в три часа приходите на концерт!

- Но ведь и на губной гармошке нужно учиться... - робко сказал пан Боло.

Но Муха взглянула на него так ядовито, что он прикусил язык.

А сторож уже приклеивал на заборе афишу:

"БУБЧО И БОБО - ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ, ДАЮТ КОНЦЕРТ НА ГУБНОЙ ГАРМОШКЕ, СПЕШИТЕ, СПЕШИТЕ КУПИТЬ БИЛЕТЫ! НАЧАЛО В ТРИ, НИ МИНУТЫ ПОЗЖЕ!"

Оба сверчка - и пан Теофас и пан Боло - этой ночью спать не ложились. Всю ночь они думали. А так как это были очень умные сверчки, то в конце концов они все же придумали, как им избавиться от надоедливой Мухи и ее детей. Утром петух еще не успел прокукарекать и пяти часов, когда пан Теофас и пан Боло крадучись вышли из музыкального магазина. Они повесили на двери большой замок и объявление:

"Музыкальный магазин закрыт навсегда! Мы уехали, а куда - не скажем!"

И оба укатили на бричке в неизвестном направлении. На Теофасе был его любимый коричневый костюм, на Боло розовая жилетка в цветочках. Оба были счастливы: вот как ловко они избавились от Мухи!

- Гм - задумчиво проворчал пан Теофас. - Возможно, она когда-нибудь и поймет: без ученья не бывает уменья.

- М-да - прибавил пан Боло. - Что верно, то верно! Вот и вся история про музыкальный магазин, который

стоял на улице Заколдованной розы. А в каком городе эта улица, я вам не скажу. Да вы все равно этот город не найдете на географической карте.

Пересказала с польского Г. Лукина

Александр Кумма и Сакко Рунге ПОЧЕМУ СОЛОВЬИ ПОЮТ ПО ВЕЧЕРАМ

В одном лесу жил-был Соловей. Как все соловьи, он в основном пел. И представьте, имел за это нарекания от соседей. Особенно негодовал Дятел:

- Мы работаем, а он, понимаете, посвистывает. Свистун! Свистун и бездельник!

Не все ведь понимают, что и пение - работа, труд сладкий, но изнурительный.

Обидно стало Соловью. И вот на следующий вечер он решил устроить небольшой концерт по заявкам. Он уселся на веточке, почистил клювом перышки и запел. Запел так сладко, что у пчел, которые жили внизу в дупле, мед стал еще слаще, хотя он и без того был сладкий, если не сказать - притор-

ный. А Соловей так и щелкал, булькал, разливался - фьють-фить-фить-тра-ля-ля!...

И это пение, кроме зрителей, услышал издалека маленький Щеночек, который жил в домике на опушке и вышел немного погулять перед сном.

- Послушайте, Соловей, - сказал Щенок, когда певец сделал небольшой перерыв после очередной песни, - можно мне петь вместе с вами? Я тоже хочу.

- А у вас есть слух? - спросил Соловей, немного поразмыслив.

- Конечно, - радостно ответил Щенок. - Я даже хожу в музыкальную школу.

Щенок действительно ходил в музыкальную школу. Он провожал туда своего хозяина, мальчика Федю. А потом сидел у окна и, подняв одно ухо, слушал, как Федя играет на рояле.

- Ну, раз вы ходите в музыкальную школу, тогда вы, наверное, очень хорошо поете, - сказал Соловей, и они запели вместе. Соловей пел:

- Фьють-фить-фить-тра-ля-ля! А Щенок подпевал:

- Тяв-тяв-тяв.

Но только в некоторых местах. И, так как он вставлял свое "тяв-тяв-тяв" вовремя, в конце музыкальной фразы, то получилось у них довольно складно.

Их пение услышал маленький Лягушонок, который как раз в этот момент выпрыгнул из воды и уселся на листик кувшинки.

- Послушайте, Щенок, - сказал Лягушонок, когда певцы решили немного отдохнуть после песни, - а можно мне петь вместе с вами? Я тоже хочу.

- А ты ходишь в музыкальную школу? - строго спросил его Щенок.

- В музыкальную школу я, правда, не хожу, - честно признался Лягушонок, - потому что для лягушат ее еще не открыли. Но зато я часто слушаю Соловья, и уж, наверное, я у него чему-нибудь научился.

- Ну, раз ты часто слушаешь Соловья, тогда ладно, пой с нами, - согласился Щенок.

И они запели втроем. Соловей пел:

- Фьють-фить-фить-тра-ля-ля! Щенок подпевал:

- Тяв-тяв-тяв!

А Лягушонок пел уже после Щенка смешным лягушачьим голосом, немножко похожим на голос Буратино:

- Ква-ква-ква!

И так как он каждый вечер слушал Соловья, то получалось у него совсем неплохо. Так они и пели:

- Фьють-фить-фить-тра-ля-ля! Тяв-тяв-тяв! Ква-ква-ква!

- Позвольте! - вдруг перебил их кто-то. - А почему вы поете без меня, когда я главный певец?

Это был горластый потрепанный Петух. И он закукарекал во все горло.

- Ку-ка-ре-ку! Спать! Спать! Спать!

Певцы сразу замолкли, и Щенок хмуро сказал:

- Наверное, вы не ходили в музыкальную школу.
- Наверное, вы не слушали Соловья, - печально вздохнул Лягушонок.
- Ко-ко-ко! - захорохорился Петух. - Очень мне нужна ваша школа и ваш Соловей! Я все равно пою громче всех!

И он оглушительно загорланил

- Ку-ка-ре-ку! Всем спать!

Все окружающие, конечно, стали шуметь и возмущаться. Увы, их голосов за пронзительным криком Петуха не было слышно. Вот уж был горласт, так горласт К счастью, он быстро выдохся и, кукарекнув еще разок-другой больше для острастки, отправился спать сам.

Лягушонок сказал

- Ушел? Ну, и хорошо.

И они снова запели втроем.

- Фьють-фить-фить-тра-ля-ля ! Тяв-тяв-тяв! Ква-ква-ква! Они так хорошо пели, что даже Речке захотелось запеть вместе с ними или сыграть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Она прыгала по камушкам, звенела, переливалась. И это было очень похоже на звуки рояля...

И Ветру тоже очень захотелось петь вместе со всеми или сыграть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Вот только как это сделать? Правда, он мог похлопать форточками, но это было бы не музыкально. Вот если бы у него был деревянный молоточек... тогда Ветер тихонько постукивал бы этим молоточком по золотым звездочкам в небе, как по блестящим винтикам, скрепляющим певучие палочки на ксилофоне. И они звенели бы - эти невидимые палочки-мостики между звездами. А может быть, и сами звезды звенели бы, как маленькие колокольчики, каждая на свой голос, а Луна звенела бы, как большая медная тарелка... Но у Ветра не было деревянного молоточка. И вдруг он увидел его. Молоточек лежал в комнате у ленивого мальчика Толи, или, вернее сказать, просто валялся без всякого дела.

Ветер тут же влетел в комнату, подхватил молоточек и унес его далеко-далеко... Ведь ленивому мальчику Толе он совершенно не был нужен, а Ветру он очень пригодится.

И вот теперь они пели все вместе: Соловей, Щеночек, Лягушонок, Речка и Ветер. Пели они на разные голоса: Речка звенела по камушкам, словно играла на рояле, а Ветер тихонько постукивал деревянным молоточком по золотым звездочкам в небе, и они звенели, как маленькие колокольчики - динь-динь-динь, каждая на свой манер, а Луна вторила им, как большая медная тарелка - бом!

Концерт получился такой удачный, что все были очень довольны. Даже Дятел, который раньше считал Соловья свистуном и бездельником, подобрел и сказал:

- Пускай поет. Это у него очень красиво получается!...

Вот с этих пор Соловей поет по вечерам, когда горластый Петух ложится спать и никому не мешает.

Орлин Василев КУЗНЕЧИК-МУЗЫКАНТ

Осень давно прогнала веселых лесных птиц. Студеный ветер завыл в горах и сорвал с ветвей последние пожелтевшие листья. Листья падали вместе с каплями мелкого дождя. В лесу было сыро и холодно.

Но в домике запасливой Муравьики весело потрескивал огонь в очаге. Вдоль стен стояли желудевые скорлупки, полные пшеничных зерен.

Старая Муравьица первая под села к очагу и крикнула:

- Дети, обедать!

Сыновья, снохи и дочери старой Муравьики проворно сбежались со своими ложками и плошками.

В это время кто-то тихо постучал в дверь... Снаружи донесся негромкий голосок:

- Отворите!

- Кто там? - откликнулась Муравьица.

- Это я, соседка, Кузнечик-музыкант. Неужели ты меня не узнала?

- Что тебе надо? - сердито спросила Муравьица.

- Разве ты не помнишь? - ответил Кузнечик. - Летом, когда ты женила сына, я всю ночь играл у вас на свадьбе. Ты тогда обещала, что к зиме заплатишь мне за работу.

- Хорошее дело! - сказала Муравьица. - В первый раз слышу, чтоб игру на скрипке называли работой.

- Ты неправа, соседка. Кто как может, так и работает.

- А по-моему, - ответила Муравьица, - что у тебя есть, то тебе и есть. А у других не проси.

- Дурные это слова! - крикнул Кузнечик. - Как тебе не стыдно! Разве ты не видишь, какая на дворе погода? Дождь льет, ветер дует - у меня крылышки насквозь промокли и ноги совсем заоченели. Отвори, позволь погреться! Отдай мне, что должна!

- Убирайся, бродяга! - закричала Муравьица еще громче. - Ничего я тебе не должна! Скажите на милость, он играл у нас на свадьбе! Тоже мне работа! Великое дело!

И Муравьица заперла дверь на замок. Бедный Кузнечик понурил голову и зашлепал озябшими ногами по липкой грязи.

- Куда идешь, Кузнечик? - спросила его Белочка.

- Сам не знаю куда!... - ответил обиженный Кузнечик. - Нет правды на земле. Летом Муравьица женила сына. Я играл у них на свадьбе. Она сказала, что заплатит, когда заготовит корма. И вот я только что ходил к ней... Она меня выгнала и не дала ни зернышка.

- Подай жалобу! - посоветовала Белочка.

- Кому ж я буду жаловаться?

- Царице муравьев. Она живет в самой чаще леса, на полянке. Иди расскажи ей!

"Ну что ж, пойду!" - решил Кузнечик и тронулся в путь. Не прошел он и ста шагов, как ему повстречалась божья коровка.

- Добрая встреча! Куда собрался?

- Иду жаловаться муравьиной царице. Божья коровка так и ахнула.

- Что ты, Кузнечик! - сказала она. - Молодая Царевна тяжело больна. Она умирает, и никто не может ее вылечить. Старая Царица в страшном гневе. Не ходи туда, если хочешь остаться в живых.

- А коли не пойду, так все равно умру от голода и холода, - ответил Кузнечик и поплелся дальше.

Только к вечеру, усталый и голодный, добрался он до царского дворца.

Дворец был окружен высокой стеной. На стене расхаживала стража - огромные крылатые муравьи. Кузнечик собрался с духом и постучал у ворот.

- Что тебе нужно, бродяга? - спросил привратник.

- Ищу правды!

- Правды? Ну и насмешил же ты меня! Слушай, дурень: уноси-ка отсюда ноги, пока цел. У нас беда: молодая Царевна умирает, и никто не может ей помочь. Уже с двадцати врачей - шмелей и бабочек - сняли голову, а он пришел правды искать! Уходи, пока не поздно!

- Мне головы своей не жаль. Все равно пропадать. Я к Царице; куда пройти?

- Пошел прочь, говорят тебе!

- Впусти меня сейчас же! - крикнул отчаявшийся вконец Кузнечик.

Вдруг с балкона послышался грозный голос старой Царицы:

- Кто там шумит внизу?

- Не я, Царица! - крикнул привратник и упал на колени. - Тут пришел один бродяга, Кузнечик. Это он расшумелся...

- Отрубить ему голову, - приказала Царица.

- Ты меня хоть выслушай, прежде чем голову снимать! - громко крикнул Кузнечик.

Но грозная Царица уже удалилась в свои покои.

Крылатые стражники кинулись исполнять царский приказ. Они схватили Кузнечика и повели его на казнь. Здоровенный угрюмый палач уже поджидал осужденного.

Кузнечик понял, что смерти ему не миновать, и сказал палачу:

- Я слышал, что последнее желание приговоренного к смерти обыкновенно исполняют. Верно ли это?

- Верно, - ответил палач. - Но сперва надо знать, каково желание. Скажи, чего ты хочешь, а там посмотрим.

- Я хочу перед смертью поиграть на скрипке.

- Такое желание можно исполнить, - согласился палач. - Играй!...

Кузнечик взял свою скрипку. Перебрал струны, повел смычком, и скрипка запела.

Она пела о полянах, заросших цветами, о нивах, шелестящих под ветром, обо всем, чего Кузнечик уже никогда больше не увидит... Кузнечик играл и прощался с песнями.

И так чудесны, так печальны были песни Кузнечика-музыканта, что даже сердце палача дрогнуло от жалости. Глаза его наполнились слезами.

Заплакал привратник у ворот, заплакала стража на стенах... Но самая удивительная история разыгралась в царской спальне.

Чуть только первые звуки предсмертной песни Кузнечика долетели туда, больная Царевна открыла глаза. Она стала прислушиваться и почувствовала, что с каждой минутой к ней возвращаются силы. Сердце мало-помалу забило сильнее, кровь быстрее потекла по жилам, бледные щеки зарумянились.

- Кто это так чудесно играет? - спросила она слабым голосом.

- Один бродячий музыкант, которого ваша матушка приговорила к смерти, - объяснила ей прислужница. - Это его последняя песня.

Царевна встала и проворно подошла к окну. Как только стража, привратник и палач увидели ее, все они, как один, упали на колени и со слезами взмолились:

- Помилуй Кузнечика, Царевна! Уж очень хорошо играет он на своей скрипке. Мы никогда еще не слышали такой прекрасной музыки!

- Проводите его наверх! - приказала Царевна.

Едва Кузнечик переступил порог, как Царица встретила его такими словами:

- Ты спас жизнь моей дочери. Я тебя награжу, чем захочешь. Скажи, чего тебе надо. Я могу сделать тебя первым богачом в моем царстве.

Кузнечик усмехнулся:

- Богачом? А ты видела когда-нибудь богача, который бы играл и пел? Нет, Царица, не надо мне богатства - я не хочу забыть свои песни. Да и не привык я жить чужим трудом.

- Чего же ты хочешь?

- Я хочу правды.

- Правды?

Все удивились. Не помешался ли Кузнечик с голоду? На что ему понадобилась правда? Правду не съешь, не выпьешь.

- Да, правды! - повторил Кузнечик. - В летнюю пору все зовут нас на свадьбы, на крестины и всякие праздники. У нас и времени не остается, чтобы сделать запасы на зиму. И все обещают расплатиться после урожая: "Потерпи, говорят, Кузнечик, теперь поиграй, повесели нас, а зимой мы тебе заплатим". Но только пройдет лето, все сразу забывают свои обещания. Никто не хочет платить за музыку. Будто бы игра не труд! Нас называют лентяями. Они, видите ли, работают, а мы только поем да пляшем. Ты спроси у крестьян, Царица, они тебе скажут, что им легче косить, жать и копать, если кругом звенят наши голоса. А младенцы в люльках под грушами? Кто их усыпляет колыбельной песенкой, пока матери работают на поле и в огороде? Разве не мы? И разве это не труд - помогать другим трудиться, радовать их, ободрять и веселить? Я пришел тебе сказать, Царица, что требую уплаты за свою работу. Я требую свое!

Кузнечик умолк. Придворные опустили голову. Старая Царица задумалась. До сих пор она не слыхала таких слов и не знала теперь, как поступить.

- Может быть, право и на твоей стороне, - сказала она, покачав головой, - но я не знаю, чем и как тебя вознаградить.

- Не знаешь? Если ты не знаешь, так я тебе скажу. Эй, Писарь, поди-ка сюда! - приказал Кузнечик одному из царских писарей. - Садись и пиши то, что я продиктую.

Пиши:

"Приказ. Приказываю всем муравьям немедленно выплатить кузнечикам все, что им причитается за летнюю музыку. Отныне и впредь, доколе свет держится, все двери, в которые постучится кузнечик, должны тотчас же отворяться, ибо куда входит кузнечик, туда входит и песня. А вместе с песней приходит надежда, что наступят лучшие дни.

Кто этого не исполнит, будет строго наказан".

- А теперь, Царица, если хочешь, подпиши этот приказ и разошли его со своими быстрокрылыми посланцами по всем муравейникам.

Царица нахмурилась.

- Нет, Кузнечик, - сказала она, - я придумала другое. Лучше я назначу тебя своим придворным певцом. Остайся с нами, чтобы веселить нас своими песнями. У нас тебе будет тепло и сытно. Ты будешь сладко есть, мягко спать и жить в довольстве, ни о чем не заботясь.

- О нет! - гордо воскликнул Кузнечик. - Не может певец быть слугой, хотя бы и царским. Наша песня легко звучит лишь на воле, среди просторных нив и лугов. Мы живем бедно, но свободно. Я не могу петь в доме, под окнами которого разгуливает палач. Или ты забыла, что час

тому назад мне чуть-чуть не отрубили голову?... Если хочешь, разошли приказ муравьям. А не хочешь - твоя воля. Но, если ваши хваленые муравьи не станут исполнять его, так и знай: ни один кузнечик никогда не будет играть и петь на ваших гуляньях. Живите без песни. Прощай!

Гордый Кузнечик сунул свою скрипку под крылышко и, поклонившись, ушел. На пороге его встретили солнечные лучи. Солнце словно нарочно выглянуло, чтобы согреть бедного, но гордого и свободного певца.

Пересказала с болгарского Т. Габбе

Дональд Биссет АМУР И СОЛОВЕЙ

Однажды в Лондон прилетел Соловей. Он сел на фонтан посреди площади Пикадилли и запел для Амура - крылатого мальчика с луком и стрелами, который стоит высоко над фонтаном.

Была темная летняя ночь, и Соловей пел о деревьях и цветах за городом, о море и синих волнах с белыми гребешками, набегающих на рыжеватый песчаный берег, о детях, которые играют, строят песчаные замки, запускают воздушные змеи, едят конфеты, плавают и катаются на лодке по морю.

- Наверное, все это чудесно! - сказал Амур. - А здесь только автобусы и такси, машины и люди, которые вечно спешат на работу или за покупками. Как бы мне хотелось, чтобы здесь было море!

Амур вздохнул, и по его щеке скатилась слеза.

- Милый Соловей, попроси море прийти сюда хотя бы на один день.

- Хорошо, попрошу, - сказал Соловей и улетел.

На другой вечер, как только начали зажигаться звезды, Соловей прилетел на берег моря, сел на пенек и запел о мальчишке, который стоит один-одинешенек на верхушке фонтана в далеком Лондоне.

Ветер унес его песню в море, и волны тоже услышали ее.

Соловей пел всю ночь и улетел только с восходом солнца.

Однажды, когда лондонцы вышли на улицу, чтобы идти на работу, они не узнали свой город. На площади Пикадилли разлилось настоящее море, по нему ходили волны, бившие о песчаный берег Риджент-стрит и Шефтсбери-авеню.

Светило солнце. А вместо автобусов, такси и машин по улицам плавали лодки.

Люди сбрасывали шляпы и одежду и надевали купальные костюмы, дети приносили ведерки и лопаты и садились играть в песочек.

А некоторые верхом на доске неслись по Хаймаркет, взлетали на светлые гребни волн и, проплывая мимо Амура, обдавали его брызгами, и он смеялся от радости.

К вечеру собрались грозовые тучи, небо потемнело и полил ливень.

А когда он кончился и небо очистилось, площадь Пикадилли выглядела, как и прежде - статуя Амура посередине, а вокруг автобусы и такси, машины и люди, машины и люди...

Как только стемнело и все разошлись по домам, опять прилетел Соловей и сел на фонтан.

- Спасибо тебе, Соловей! - сказал Амур. - Это было чудесно!

Скоро опять начался дождь.

Соловей нашел себе сухое местечко у ног Амура, спрятал голову под крыло и крепко заснул.

Перевела с английского Н. Шерешевская

Дональд Биссет ПРО ЧАЙКУ ОЛИВИЮ И ЧЕРЕПАХУ РОЗАЛИНДУ

Жила- была чайка. Звали ее Оливия. Она жила среди моря со своей подружкой черепахой Розалиндой.

Оливия целыми днями ловила в море рыбу. А Розалинда сидела дома, под тенистым деревом, грызла капусту и пела. У нее был очень хороший голос.

Однажды мимо острова пролетал голодный аист Чарли. Увидев, что Розалинда одна, он подумал:

"Вот удача! Неплохой обед получится из этой черепахи". Аист спустился вниз, подхватил клювом черепаху и улетел с ней.

Прилетев домой, он открыл дверцу небольшой клетки и сказал Розалинде.

- Входи! Капусты здесь сколько хочешь. Ешь и толстей!

Потом захлопнул дверцу и запер клетку.

Когда Оливия вернулась с рыбной ловли, она хватилась Розалинды, но черепахи нигде не было.

Уже и ночь спустилась, а Оливия все продолжала искать Розалинду. Наконец, пролетая над темным лесом, она услышала знакомую песню.

Кто же это поет, неужели Розалинда?

Оливия полетела на голос, спустилась в лес и при лунном свете увидела бедняжку Розалинду, которая пела грустную-грустную песню.

А рядом в гнезде спал аист.

- Тише, ни звука, - прошептала Оливия.

Она перекусила своим сильным клювом прутья клетки, и Розалинда вышла на свободу.

Увы, они были слишком далеко от дома, а летать Розалинда не умела.

Пришлось им построить плот и плыть к дому по морю.

Сквозь бурю и ночь!

Оливия привязала к мачте веревку и тянула плот против ветра. А черепаха рулила веслом и пела веселые песенки, чтобы подбодрить себя и Оливию.

Когда они наконец приплыли к своему острову, Оливия привязала Розалинду за хвост к дереву и сказала:

- Теперь ты в безопасности!

И если вам случится когда-нибудь проплывать мимо' этого острова и в лунную ночь вы услышите песню, найдите - это поет Розалинда.

Перевела с английского Н. Шерешевская

Джон Чиарди ДЖОН ДЖЕЙ ПЛЕНТИ И КУЗНЕЧИК ДЕН

В лесу

В одном из прелых пней

Жил Джон Джей Пленти -

Муравей.

На зорьке,

Утренней порой,

Джон Джей

Вставал в неровный строй

Таких же Рыжих муравьев И шел в поход Без лишних слов.

Работал Джон Что было сил, В свой муравейник Он носил

Весь день

С утра и дотемна

Личинки,

Щепки,

Семена.

И всем доволен был Джон Джей, Весьма почтенный Муравей.

Пускай работа Тяжела, Зато на лад идут дела,
И Пленти, Волоча жука, Кричал: - Вперед! Зима близка!
Вокруг шумел Дремучий бор, Пел птиц лесных Согласный хор,
Но был Джон Пленти не таков, Чтоб слушать Глупых соловьев.
Он жирных гусениц таскал,
Молочных тлей в листве искал,
Готовил на зиму запас. И каждый день, И каждый час Он повторял:
- Друзья, вперед! Не медлите! Зима идет!
И жил бы он, Не зная зла, Но у него Сестра была.
А каждый знает, Что сестра Не всех Доводит до добра.
Так и случилось.
Вечерком
На ближнем поле,
Под цветком,
Ей повстречался Дэн - кузнечик, Смешной Зеленый человечек.
Который только-то и мог, Что дергать Травяной смычок,
Пиликать
На зеленой скрипке И вечно Совершать ошибки.
И, неизвестно Почему, Сестра Дж.-Дж. Ушла к нему.
А он с рассвета До рассвета Играл на скрипке Песню лета.
И пела скрипка Вместе с ветром О солнышке, Большом и светлом;
О том, что дни Бегут за днями; О том, что мы Взрослеем с вами.
Прямые сосны На опушке
Склоняли песне в такт Верхушки,
Качались Синие дубравы, Покачивались В поле травы.
И, улыбаясь Песне той, Крутился важно Шар земной.
Пришла на смену лету
Осень,
Лес золото
На землю бросил,
А скрипка пела: - Все идет, Всему приходит Свой черед,
Листва летит, Трава желтеет, Одна лишь песня Не стареет...
Дубы столетние В печали
Кривыми сучьями Качали,
Молчали ели,
Но смола
Как слезы
По стволам текла.
А Пленти, Волоча жука, Кричал: - Вперед! Зима близка!
Прожить без скрипки
Ерунда,
Ведь скрипка -
Это не еда.
Зато без крова
И еды

Нам всем
Не миновать беды.
Он звал сестру:
- Вернись домой! Замерзнет
Твой скрипач зимой,
А с музыкантом Ни за грош И ты, сестрица, Пропадешь.
Сестра сказала:
- Милый Джон, Я не вернусь. Родным - поклон.
- Ну хорошо! - Вскричал Джон Джей.
- Посмотрим, Кто из нас умней.
Беги скорее К скрипачу, Тебя я видеть Не хочу!
Зато,
Когда придет зима,
Ищи себе приют Сама.
Зимой зеленый Мутный лед Все реки и ручьи Скует,
Поля покроет Плотный снег, И скрипка Замолчит навек.
...И впрямь
(Как смог он угадать!),
Помалу
Стало холодать.
Сначала чуть, Потом чуть-чуть В термометре Упала ртуть.
Еще чуть- чуть,
И сразу - хлоп! -
Мороз.
И на дворе - сугроб.
Но Джон Джей Пленти, Прежде чем Захлопнуть двери Насовсем,
Взглянул вокруг. Вокруг бело. Всё белым снегом Замело,
И только на деревьях
Синий
Сверкает звездочками
Иней.
Над мертвым полем тишина, И скрипка больше Не слышна.
И Джон,
Сдержав печальный вздох, Сказал: - Конец. Скрипач подох.
Да будет смерть его уроком Всем скрипачам И лежебокам.
Пусть воет ветер, Я тем часом Отправлюсь вниз, К моим запасам.
И он спустился вниз. А там Еда лежала по углам.
Подумал Джон. "Ну что бы съесть? Припасов здесь За год не счесть:
Вот ветчина Из мотыльков, Вот макароны Из цветов..."
Он было сел За свой обед, Но вдруг Воскликнул громко:
- Н-е-е-т!
Я, видимо, Сошел с ума - Ведь будет До-о-олгая зима,
И есть я должен Понемножку, Раз в месяц - Маленькую крошку.
Зато
На следующий год Совсем не буду Знать забот.

И правильно
(Скажи на милость),
Зима
Почти до марта длилась.
И как ни странно,
Но в апреле
Лучи
Замерзший лес прогрели.
Когда весна
Прогнала стужу,
То выполз мудрый Джон
Наружу.
Голодный, бледный и худой,
Он полз
За новою едой.
И, ковыляя С бугорка, Кричал. - Вперед! Зима близка!
Но что это?! За ближней чащей Услышал он Напев звенящий.
Звучала музыка весны,
И, солнышком
Озарены,
Прямые сосны
На опушке
Склоняли песне в такт
Верхушки,
Качались Синие дубравы, Покачивались В поле травы.
И, улыбаясь Песне той, Крутился важно Шар земной.
Кузнечик Дэн Играл на скрипке, Вокруг него Цвели улыбки,
И Джон заметил
Слабым взглядом
Кого- то,
Кто стоял с ним рядом.
Но кто?
Ах, Джон, очки наденьте -
Ведь это бьвшая мисс Пленти!
И ослабевший Джон, Бранясь, Свалился носом Прямо в грязь.
И вот что сообщу я вам (Прислушайтесь к моим словам):
Накопишь много Или мало, Накупишь соли Или сала,
Сошьешь костюм Иль три наряда - Не в этом радость И награда.
А вот
Без скрипачей
И песен
Наш мир
Совсем неинтересен.
Без песен Липы не цветут,

Без песен Реки не бегут И шар земной, Как ни проси, Не повернется
На оси.

Еще скажу о том, Что тоже Нам с вами Забывать негоже:

Зимой,

Когда бушует вьюга,

Кузнечикам,

Конечно, туго.

А иногда и так бывает, Что кое-кто Не выживает.

Но песня вечная жива -

Весной,

Когда взойдет трава,

Весь лес огромный,

Всё зверье

И все ручьи

Поют ее.

И третье

То, что надо знать

Тому,

Кто хочет умным стать:

**НЕТ НИЧЕГО НА СВЕТЕ ХУЖЕ, ЧЕМ СЛУШАТЬ ПЕСНЮ, ЛЕЖА
В ЛУЖЕ.**

Перевел с английского Р. Сеф

СОДЕРЖАНИЕ

Пастушья дудочка. Русская сказка...3

Музыка - чародейник. Белорусская сказка...	8
Матти - весельчак. Карельская сказка...	12
Волшебная дудка. Белорусская сказка...	15
Мастер Али. Казахская сказка...	18
Как совы учились петь. Эстонская сказка...	22
Пастух Анс. Латышская сказка...	24
Молодцу и семидесяти искусств мало. Узбекская сказка...	27
Поющий Чатхан. Хакасская сказка...	33
Малыш Рысту. Алтайская сказка...	36
Как человек птичкам песню вернул. Эскимосская сказка...	40
Откуда пришла радость. Саамская сказка...	43
Серебряное блюдечко и наливное яблочко. Русская сказка...	49
Чонгурист. Грузинская сказка...	54
Софья Могилевская. Сказка о громком барабане..	56
Джанни Родари. Война колоколов...	62
Бланка Лидия Трехо (Мексика). Маримба...	64
Люцина Легут. Музыкальный магазин...	71
Александр Кумма и Сакко Рунге. Почему соловьи поют по вечерам...	76
Орлин Василев. Кузнечик-музыкант...	79
Дональд Биссет. Амур и соловей...	84
Дональд Биссет. Про чайку Оливию и черепаху Розалинду...	86
Джон Чиарди. Джон Джей Пленти и кузнечик Ден..	88

Книга состоит из двух разделов. В первом разделе собраны сказки разных народов Советского Союза, во второй раздел вошли сказки о музыке, созданные писателями разных стран.

Для детей младшего и среднего школьного возраста, а также для широкого круга читателей.

4802000000-341 026(01)-87

ББК48.2

Научно- популярное издание

МУЗЫКА - КУДЕСНИЦА

(Сказки о музыке)

Издание второе *Составитель Ирина Михайловна Толоч*

Редактор *Т Коровина* Художник *Д Жиров*

Худож. редактор *А. Заыкин* Техн редактор *Г. Заблоцкая*

Корректор *М Шпанова*